ИСТПАРТ
ОТДЕЛ Ц. К. и Б. К. А. К. П. (б).

В. В. ПОКШИШЕВСКИЙ.

ПОЛОЖЕНИЕ БАКИНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

(1914—1917 г. г.)

БАКУ 1927

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ Ц. К. и Б. К. А. К. П. (б).

В. В. ПОКШИШЕВСКИЙ.

ПОЛОЖЕНИЕ БАКИНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

(1914—1917 г. г.)

БАКУ. 1927 год.

Типография „Красный Восток"
БАКПОЛИГРАФА
Баку, Карантинная, № 84.
Главлит № 3908 — Зак. № 198.
Тираж 1000 экземпляров.

Книга тов. Покшишевского освещает малоисследованный вопрос об экономическом положении бакинского пролетариата во время империалистической войны. Работа была произведена на основе проработки местных архивов, главным образом, архива Нобеля. Она дает картину нарастания экономической борьбы пролетариата, местами уже начинающей перерастать в политическую. Та борьба, которую бакинские рабочие вели в годы войны, развернулась широким фронтом уже после февральской революции, получив обобщенный характер в виде требования коллективного договора. Острый конфликт между пролетариатом и буржуазией из-за колдоговора, в свою очередь, послужил одним из главнейших моментов, подготовлявших захват пролетариатом политической власти в Баку. Таким образом, работа тов. Покшишевского дает описание той экономической обстановки, на фоне которой подготовлялись решающие исторические шаги бакинского пролетариата.

Истпартотдел ЦК и БК АКП (б.).

Книга тов. Цфасмана [illegible]

[illegible]

ВВЕДЕНИЕ.

Баку, с его нефтепромышленным районом, представлял собой всегда один из важнейших, и вместе с тем, крайне своеобразный центр промышленности России. Выросший так стремительно в ее далеком юго-восточном углу (первые буровые были заложены в 70-х годах, а в 1901 г. добыча достигала 706,2 мил. пуд., дав этим России первое место в мировой добыче), сочетавший в себе черты самой примитивной азиатчины, с спекулятивным американизмом, и все это в специфической обстановке царско-полицейского «аппаратного» управления—Бакинский уголок не мог не быть своеобразным и в своем рабочем движении и в разворачивании своих пролетарски-революционных сил. Сильная концентрация нефтяных предприятий, представлявших чуть ли не наиболее крупную промышленность в России, почти исключительно пришлый характер рабочего населения, национальная разношерстность его, сравнительная ослабленность самодержавно-полицейского режима, чрезвычайно высокий удельный вес организации нефтепромышленников, которые, в лице своего органа—Совета с'ездов, тесно переплетались с правительственной администрацией —все это делает историю бакинского рабочего движения чрезвычайно своеобразной, полной глубокой поучительности. Таким же своеобразным было и экономическое положение и вся экономическая обстановка, окружавшая рабочий класс; и обстановку эту необходимо иметь все время перед глазами, чтобы понимать все детали, подчас очень противоречивые, экономики труда в Баку. Чисто рабочий город, населенный высоко-квалифицированными рабочими из России, вышколенными крупной индустрией и закаленными классовой борьбой, с одной стороны—и совершенно некультурными тартальщиками и чернорабочими персами, которых эта крупная индустрия только начинает обрабатывать, с другой; город миллионеров Мирзоевых, Тагиевых, Манташевых, из которых некоторые вчера еще были грузчиками—«амбалами»; город, где создавались сказочные барыши и где все более начинал хозяйничать мировой финансовый капитал со своими последними методами; город, где зарплата была выше, чем где бы то ни было в России и где еще в 1904 году был подписан первый коллективный договор; город неожиданных контрастов, национальных противоречий, причудливого сочетания Европы и Азии—вот чем был Баку.

Задачей настоящей работы, представляющей звено в задуманной серии исследований по истории бакинского рабочего движения (осуществить которую удастся, конечно, только коллективным путем),—дать очерк экономического положения бакинского пролетариата за годы импе-

риалистической войны, проследить, как постепенно созревали в производственных отношениях противоречия, которые получили, если не разрешение, то четкую формулировку в борьбе за второй коллективный договор в 1917 г., когда внешние препятствия для такой борьбы, в лице царского строя,— пали.

Накануне войны, в 1913 г., в Баку и его промысловых районах была произведена перепись населения. Итоги ее, вместе с некоторыми данными Совета с'ездов («Обзоры Бакинской Нефтепромышленности» за годы войны) дают интересный материал по общей демографии Баку и его районов и по составу его пролетариата за интересующий нас период. Так как эти данные в известной мере выявляют лицо Бакинского промышленного центра, будет нелишним предпослать их настоящей работе.

Следующие цифры показывают общий рост промыслового и заводского населения и рост населения за 1903—1913 г.г. по отдельным районам [1]):

Районы	1903 г.	1913 г.	Прирост за 1903—1913 г. в абс. ч.	Прирост за 1903—1913 г. в % %-х
Сабунчи пром.	16408	26275	9867	61
„ селение *) . .	5776	11529	5753	100
Балаханы пром.	5782	9320	3638	64
„ селение	6783	10001	3218	47,5
Раманы пром.	2165	5629	3464	160
„ селение	3006	3952	946	31,5
Биби-Эйбат	7645	14522	6877	90
Забрат пром.	2507	3234	727	29,1
„ селение	953	1227	274	28,88
Всего по промыслам и районам . . .	50925	85689	34764	68,2
Черный город	8468	12690	4222	46,9
Белый город	9780	6793	712	0,7
Зых	—	2275		
Ахмедлы	628	1847	1219	194
Кишлы	2075	4697	2622	127
Всего по заводскому району	22074	28302	6228	28,2
Всего по промыслам и зав. району . .	72999	113991**)	42992	59,7

Таким образом, население промыслового района увеличивалось значительно больше, чем заводского (68,2% против 28,2%), а в самом промысловом районе в общем быстрее росли промысловые поселки, нежели селения. Общий рост равен 59,7%.

*) Социальное лицо селения (обычно существовавшего задолго до возникновения нефтепромышленности) и промыслового поселка резко различны: приводимый ниже материал покажет, что население селений обычно состояло из тюрков и нерабочих. Несколько выделяется из этого правила только селение Сабунчи.

**) Отметим в скобках, что число рабочих только одной нефтяной промышленности составляло за 1913 г.—45,15%. Это показывает чрезвычайную индустриальность населения.

Население местное и пришлое представляло:

	Местное*)	Пришлое
	(в процентах)	
Промысловый район . .	27,2	72,8
Заводской „ . .	28,4	71,6
Пром.-заводск. „ . .	27,4	72,6

Чрезвычайно характерным является возрастный и половой состав населения. В приводимой таблице даны, для сравнения, соответствующие доли той или иной возрастной группы и по Баку (городу) и по всей России.

На 1000 душ приходится.

Возрастные группы	По России	По Баку	По зав. району	По пром. району
0—9 лет	273	211	244	183
10—19 „	211	192	175	139
20—29 „	162	237	235	340
30—39 „	126	171	183	204
40—49 „	93	99	95	81
50—59 „	66	50	45	28
60—69 „	43	24	16	13
70 и выше	26	16	8	11
Всего: . . .	1000	1000	1001	999

Первое, что бросается в глаза при изучении этой таблицы—это сосредоточенность промыслового и заводского населения в возрастных группах в возрасте от 20 до 59 лет, или еще уже—от 20 до 30 лет. В промысловом районе возраст 20—59 лет дает 65,3%, в заводском 55,8%, в то время, как средняя величина по России 44,7%; для возраста 20—39 лет соответственные цифры будут 54,4—41,8—28,8, т. е. процент населения, находящегося в «наиболее рабочем» возрасте в промысловом районе почти вдвое больше, чем соответствующий процент в России.

Специфический характер возрастной демографии покажется еще резче, если дифференцировать население на пришлое и местное; тогда группа 0—9 лет у местного населения выразится в 51,5%, а у пришлого в 7,7%; возраст же 20—39 лет (наиболее характерный, как мы видели для промысловой и отчасти заводской части населения) составляет у местных 18,7%, у пришлых 64,1%.

Национальный состав населения виден из следующей таблицы (в процентах).

	Русских	Тюрок азерб.	Армян	Персов	Лезгин
Сабунчи пром.	43,5	7	24,5	17,9	7
„ селение	53,4	11,5	4,8	26,8	3,2
Балаханы пром.	35,2	6,1	23,2	24,8	10,8
„ селение	16,2	52	5,8	24	1,8

*) В основу этого деления был положен не национальный принцип, а принцип—миграции.

Раманы пром.	25	8,5	30,8	23	12,7
„ селение	19,4	38	5,8	29	7,8
Забрат пром.	24,4	4,7	55,7	10	5,2
„ селение	—	91	—	8,2	0,8
Сураханы пром.	55,5	7	7,8	21	8,8
„ селение	15,1	68,5	3,6	10,4	2,2
Бинагады	10	31,3	4,1	49,4	58
Биби-Эйбат	41	4.2	18,2	18,8	17.5
Черный Город	61,7	3,4	14,7	9,3	1,4
Белый Город	75	1,7	13,5	9,8	0,4

Население по отдельным национальностям росло с неодинаковой быстротой. Вот цифры процента прироста за 10 лет (1903—1913).

	В промысл. районе	В заводск. районе
Русские	65,1	34,8
Армяне	77,8	64,5
Тюрки азербайдж.	21,2	—
Персы	132	59,7

Представление о степени оседания той или иной национальности может быть получено из процента женского населения, ибо обычно только прочно осевшие рабочие выписывали себе семью.

На 1000 мужчин приходилось женщин:

	В промысл. районе	В заводск. районе
У русских	787	963
У тюрок азерб.	646	570
У армян	268	617
У персов	77	166

Наиболее прочно оседало русское население промыслового и особенно заводского районов, где преимущественно рабочие были квалифицированными. Наименее оседлыми были персы — промысловые рабочие (тартальщики и т. д.)

От населения вообще переходим к рабочим.

Распределение по отраслям и общее количество рабочих за годы войны видно из следующих цифр:

	1915 г.	1916 г. (на 1 сентября).
Нефтедобывание	29645	31199
Подрядное бурение	9250	8812
Механич. заводы	3446	3714
Нефтепром. „	4098	4801
Всего:	46439	48526

Это общее число рабочих в 48526 на 1-е сентября 1916 г. следующим образом распределялось по нефтеносным площадям:

	Нефтедобывание	Подрядное бурение	Механич. заводы	Нефтеперег. заводы	Итого
Старая площадь	28845	7095	1762	—	32802
Биби-Эйбат	4952	1322	263	—	6537
Сураханы	2402	395	—	—	2797
Заводской район . . .	—	—	1689	4801	6490
Итого	31199	8812	3714	4801	48526

Главная масса бакинского пролетариата, по численности, была сосредоточена на старых промысловых участках.

Профессиональное деление бакинского пролетариата, видно из следующей таблицы [2]:

Администрация и контора	3702
Мастеровые	8492
Подмастерья	1938
Ученики	684
Рабочие	15880
Чернорабочие	12350
Мелкие служащие	4341
Всего:	47887 и кроме того временных 1139 человек.

Наиболее характерными были, с одной стороны, группы неквалифицированных рабочих, с другой — мастеровые. По отдельным отраслям производств эти профессиональные группы были распределены, конечно, неодинаково.

	Нефтедоб.		Подр. бур.		Механ. зав.		Нефтеперег. зав.	
Админ. и конт.	2126	6,9	637	7,2	402	11,3	537	12,2
Мастеровые	3738	12,2	1883	21,4	1366	38,8	1505	34,1
Подмастерья	818	2,7	561	6,4	469	13,2	90	2,0
Ученики	287	0,9	161	1,8	186	5,8	50	1,1
Рабочие	13600	44,4	1227	13,9	278	7,8	775	17,6
Чернорабочие	7305	23,8	3781	43,0	404	11,5	860	19,6
Мелкие служащие	2781	9,1	555	6,3	408	11,6	597	13,5
Итого:	30655	100%	3905	100%	3513	100%	4414	100%
Кроме того временных . .	544	—	7	—	201	—	387	—

Сравнивая вторые столбцы каждой графы мы видим, что на заводах мастеровые являлись численно наиболее мощной группой (38 и 34%), наоборот, в нефтедобывании мастеровые занимают небольшое, хотя и заметное, всетаки, место (12,2%). Там преобладает группа „рабочих", охватывающая 44,4% (1915 г. даже 47,7%), т. е. в подрядном бурении преобладают уже вовсе неквалифицированные чернорабочие (43%, а в 1915 г. даже 47%); но с другой стороны, велик удельный вес и квалифицированных мастеров (21,4%). В общем и в целом неквалифицированные рабочие характерны для промыслового, а мастера для заводского районов.

В условиях национальной разношерстности в Баку, большой интерес представляет распределение рабочих по национальностям и по от-

раслям производства. В следующей таблице это распределение показано, причем приняты во внимание только постоянные рабочие и служащие.

Национальность	Нефтедобыв.		Подр. бурен.		Механ. зав.		Перегон. зав.	
Русские	5854	19,1	1037	11,8	1525	43,4	2497	56,6
Армяне	7242	23,6	1371	15,6	1047	29,98	496	11,1
Тюрки азерб.	4019	13,3	1943	22,0	136	3,9	185	4,2
Персы	7294	23,8	2747	31,2	304	8,7	857	19,5
Казан. татары	1359	4,4	251	3,0	52	1,4	64	1,4
Лезгины	3931	12,8	1151	13.0	176	5,0	70	1,6
Прочие	956	3,1	305	3,4	273	7,8	245	5,6
Итого	30655	100%	8805	100%	3513	100%	4414	100%

Таблица показывает, что персы представляют главную по численности группу в нефтедобывании и в подрядном бурении; в последней отрасли, наряду с ними, значительное число местных тюрок. Армяне представлены довольно равномерно в нефтедобыче, бурении и на механических заводах (23,6%, 15,6%, 29,8%). Русские представляют главные кадры в заводских предприятиях (43,4 и 56,6%). Интересно отметить, что число рабочих персов за годы войны падает: так, в 1915 году, они составляли 28,9% (по отраслям: добыча 27,3%, бурение 43,1%, нефтеперегонные заводы 21,0%; в 1916 г. они составляют уже 23,7%, причем число их абсолютно сократилось на 2000 человек (на 1923 чел., что составляет 14,7%) и это на общем фоне роста численности Бакинского пролетариата на 4,3%.

Наконец, необходимо ознакомиться с национальным составом профессиональных групп. Здесь ограничимся абсолютными цифрами:

Национальность	Адм. конт.	Маст.	Подмаст.	Учен.	Рабоч.	Чернор.	Мелк. сл.
Русские	1222	4191	689	310	2171	1319	1037
Армяне	1105	2009	587	273	3490	1714	967
Тюрки азерб.	369	725	200	35	2445	1994	510
Персы	48	558	278	8	5151	4686	470
Каз. тат.	27	154	70	10	524	380	551
Лезгины	126	421	68	17	1875	2096	721
Прочие	825	434	46	31	224	161	75
Итого	3702	8492	1938	684	15880	12350	4341

Из этих цифр видно, что служащие (в узком смысле этого слова), состоят, главным образом, из русских и армян; мастеровые—тоже самое, но уже с большим удельным весом русских (почти половина всех мастеровых); рабочие, главным образом, персы, армяне, аз. тюрки, русские и лезгины (перечисляются в порядке их численности). В разряде чернорабочих, опять таки, преобладают персы, затем идут лезгины, аз. тюрки и армяне (очень характерно для политики русского капитализма это использование в производстве окраинных народностей в качестве грубой, неквалифицированной раб. силы). Остальные группы не представляют, по своей численности и удельному весу сколько нибудь значительных величин.

Перед нами, таким образом, уже несколько обрисовались некоторые черты Бакинского пролетариата. Он прежде всего—пришелец, этот про-

летарий; он в большей своей части числится у фирм, как „не семейный“ *). Он ютится скученно в выросших у промыслов поселках [3]), казармах, в грязи, копоти вышек; на заводе он—чаще всего русский или армянин, мастер или квалифицированный рабочий; на промыслах—перстартальщик или рабочий буровой партии. Специфические особенности Бакинской демографии и состава рабочего населения дают возможность лучше ориентироваться в тех, ставших традиционными, исторических требованиях, которые неизменно всплывали при всяком оживлении рабочего движения и с которыми придется сталкиваться на всем протяжении этой работы, вплоть до анализа коллективного договора 1917 года. Уже пару десятилетий он ведет здесь свою классовую борьбу, упорно строит профорганизации, бастует „из-за пятачка“, или из за освобождения арестованных товарищей. Здесь он попадает под влияние национальных буржуазных или право-социалистических партий и групп; но здесь же, в этой насыщенной нефтью атмосфере рабочих районов и поселков находится цитадель боевого пролетарского интернационализма—Бакинская большевистская организация.

Как раз накануне империалистической войны, в Баку происходила крупная, фактически всеобщая забастовка. К забастовке этой, уже описанной и исследованной [4]), мы будем иметь случай вернуться, говоря об исторических корнях некоторых требований рабочих при заключении колдоговора 1917 г. Сейчас отметим только основные моменты.

Забастовка разразилась 28-го мая и охватила сразу же главную массу Бакинского пролетариата. 31-е мая дает рекордную цифру бастующих—30.228 чел. [5]) из 227 фирм. В нефтедобывании бастует 87,4% рабочих в 89,2% фирм; в нефтеперегонных заводах—около 95% рабочих в 72,9% фирм; в бурении 62% рабочих в 95,6% фирм; механические заводы присоединяются с значительным опозданием. Основные требования забастовки, отражавшие в себе, главным образом, экономическую, материальную неудовлетворенность Бакинского (в первую очередь промыслового) пролетариата, тем не менее включали и ряд политических и вообще социальных моментов, как изменения социального страхования, признания рабочих организаций, а после ареста ряда членов забастовочного комитета и освобождения арестованных товарищей и т. д. Забастовка происходит под явным руководством местной организации РСДРП (б), из членов которой в большинстве и состоит забастовочный комитет.

Нефтепромышленники, в ответ на пред‘явление общих (через Совет С‘езда) для всего Баку требований, категорически отказываются итти на какие бы то ни было уступки и последовательно держатся за это решение в течение всей забастовки. Наряду с другими соображениями, промышленники могли рассчитывать хотя бы на то, что недобор нефти вследствие забастовки неизбежно будет компенсироваться ростом цен на внутреннем русском рынке именно вследствие этого недобора. К тому же уступки в

*) Это обстоятельство, как мы увидим, будет иметь значение для уровня зарплаты в годы войны, т. к. размеры военного пособия были неодинаковы для семейных и холостых.

обще-бакинском масштабе могли оказаться чрезвычайно опасным прецедентом [6]).

В борьбе за исход забастовки горячее участие приняли „центральные силы“—для ликвидации ее в Баку был командирован известный генерал-майор Джунковский. С другой стороны в Баку прибыл во время забастовки левый член Государственной Думы М. Скобелев, впоследствии министр труда при временном правительстве. Его приезд сильно поднял настроение забастовщиков. Забастовка привлекла внимание всей России; повидимому, наблюдались случаи материальной поддержки забастовщиков рабочими других городов.

Следует отметить значительную пассивность рабочих-мусульман (т. е. персов, тюрок, татар). „Рабочие у мелких, небастовавших фирм, по преимуществу мусульмане“. . . . „Не было забастовок только на шести заводах, нефтепроводах и пристанях, в том числе все три завода, принадлежащие мусульманским фирмам и имеющие рабочих-мусульман“ („Очерк состояния Бакинской нефтяной промышленности 1914 г.“, цит. по А. Попову). Наиболее активными были русские и армяне, причем заводские, т. е. более квалифицированные рабочие этих национальностей, присоединившись к забастовке позже, тем не менее держались гораздо более стойко, чем ближе заинтересованные в ее результатах промысловые рабочие. Когда забастовка начинает на втором месяце идти на убыль и в атмосфере массового возвращения на работы пассивность рабочих-мусульман становится особенно опасной для исхода забастовки—учащаются случаи „насильственных действий“ по отношению к штрейкбрехерам, причем активной стороной являются постоянно русские и армяне, а из 39 зарегистрированных пострадавших 33 мусульманина. [7]).

Забастовка догорала, когда вспыхнула война.

В дальнейшем мы постараемся показать, как рабочее движение, совсем было прекратившееся в первые месяцы войны, чисто стихийно, на почве роста дороговизны, начинает активизироваться, выражаться во все усиливающемся количестве и численном охвате забастовок, возникающих обычно совершенно стихийно, причем до второй половины 1916 г. наиболее деятельным элементом выступают как раз рабочие-мусульмане; как самим организующим влиянием войны, пролетариат об‘единяется, в известном смысле усиливает свою конструированность и как этому процессу соответствуют тенденции „госпитализирования“ нефтепромышленников; как борьба начинает разворачиваться во все более широких масштабах и неизбежно должна превратиться в обще-бакинскую, как только падает внешнее препятствие для коллективных соглашений—самодержавие. В заключение, мы попытаемся, анализируя текст коллективного договора 1917 года, найти в нем суммированными все те разрозненные требования отдельных забастовок за годы войны, которые в него органически вросли, и даже установить его преемственную связь с „общими требованиями“ 1914 года.

ГЛАВА I.

Положение бакинской нефтепромышленности за годы империалистической войны *). [8])

Для того, чтобы уяснить экономическое положение Бакинского пролетариата, для того, чтобы дать верную оценку жалобам нефтепромышленников на чрезвычайный рост расходов на рабочую силу и, якобы, об'ективную невозможность повышать зарплату в уровень с ростом дороговизны,—необходимо дать хотя бы беглый очерк состояния Бакинской нефтепромышленности за интересующие нас 1914—1916 г. г.

Обратимся сперва к некоторым общим данным: Движение добычи нефти представляется следующей таблицей [9]):

Годы	Балаханы	Сабунчи	Раманы	Б.-Эйбат	Четыре площади	Сураханы	Бинагады	Всего
	Миллионы пудов							
1912	65,3	170,4	78,8	104,6	419,1	33,7	10,0	462,8
1913	65,7	160,3	70,5	93,3	389,8	41,8	14,5	446,1
1914	67,0	143,8	55,1	72,1	338,0	53,5	21,9	413,4
1915	66,6	143,3	53,7	79,2	342,8	63,5	32,7	439,0
1916	63,5	128,1	48,2	89,6	329,4	100,9	34,6	464,9
1917	50,6	103,1	18,1	61,1	262,9	99,2	29,6	391,7
1918	?	?	?	32,1	132,8	52,2	?	185,0
1919	30,7	57,0	36,6	37,5	161,8	48,2	15,1	225,1
1920	21,2	38,9	23,6	31,9 [1])	115,6	45,2	14,3	175,1

*) Настоящая глава отнюдь не претендует на более или менее систематическое рассмотрение положения Бакинской нефтепромышленности; она ставит своей целью только дать вводное представление о возможностях этой промышленности повышать зарплату в уровень с ростом дороговизны, чему будут посвящены следующие главы. Но даже и эта задача может быть выполнена только в самых общих чертах; более строгий анализ потребовал бы, например, особого исследования доходов фирм, добывавших и перегонявших сорта нефти, дававшие крайне ценный во время войны авиационный бензин и т. д., пришлось бы подвергнуть экономическому анализу огромное разнообразие технических факторов. Мы не делаем всего этого и намечая лишь общие тенденции, учитывая целевую установку данной работы.

С сожалением необходимо отметить, что сколько нибудь удовлетворительных отчетных материалов о прибылях или балансов самих фирм, автору не удалось найти ни в Баку ни в Ленинградских архивах. Материалы эти частично погибли, частично были увезены заграницу.

Первая колонка цифр показывает, что на фоне общего сокращения добычи, годы войны до самого 1917 года дают сравнительно устойчивую величину; вторая колонка подчеркивает возрастающую роль новых площадей (Сураханы и т. д.) и неизменное сокращение доли продукции 4-х старых. Это сокращение будет еще рельефнее если мы обратимся к более ранним годам; принимая долю 4-х старых площадей в 1901 г. за 100, для 1909 г. получим соответственно 67,9, для 1916 г.—49, а для 1917 году—39,1.

Исходя из этого, известную стабильность добычи нефти за годы войны следует полностью отнести за счет введения в эксплоатацию новых площадей.

Суточная добыча на одну скважину сокращается довольно заметно по 4-м старым площадям имеем следующие цифры:

в 1911 г. она равнялась 543 п., в 1912 г.—483 п., в 1913 г.—415 п. в 1914 г.—359 п., в 1915 г.—328 п., в 1916 г.—312 п., в 1917 г.—266 п. *)

При таком понижении производительности скважин стабильность общей продукции являлась также результатом роста числа скважино-дней эксплоатации. Для интересующего нас периода мы имеем следующие цифры:

1913 г.	—	963	тыс. скважино-дней
1914 „	—	952	„ „ „
1915 „	—	1053	„ „ „
1916 „	—	1055	„ „ „
1917 „	—	1030	„ „ „

Итак, размеры добычи, благодаря усиленной эксплоатации, удержались до самого 1917 года на высоком уровне. Зато бурение сокращалось катастрофически:

Количество пройденных сажен

(Кроме Бинагадинского района)

Годы	Балаханы	Сабунчи	Раманы	Б.-Эйбат	Сураханы	Всего
1913	16,467	28,312	8,099	11,293	12,767	76,938
1914	12,888	22,028	8,565	8,506	14,820	66,807
1915	10,770	16,291	11,089	7,674	13,393	59,217
1916	9,493	16,234	10,434	7,358	12,001	55,520
1917	5,423	7,536	5,603	5,286	8,582	32,430

*) В докладе В. Фролов общ. собранию Бак. Отдела Технического О-ва от 19-го января 1918 г. приведены несколько иные цифры, повидимому, по всей нефтепромышленности (а не по 4-м площадям) за 1909—17 г. г., они равняются 625 п., 599, 520, 450, 398, 344, 315, 187, 250. Мы видим, таким образом, что тенденция сокращения явно проглядывает и задолго до войны.

Мы видим, что даже в новом развивающемся районе—Сураханах—происходит неуклонное падение бурения, делающееся к 1917 году стремительным. О старых районах, конечно, и говорить не приходится. При этом характерным является почти полное прекращение н о в о г о бурения; пройденные в 1916—17 г. сажени, почти полностью падают на работы по углублению. Скважин, введенных в производство (оконченных бурением и углублением) было: 1914 г.—371, 1915 г.—260, 1616 г.—187, 1917 г.—190. Новых (т. е. пробуренных заново, а не углубленных) было в 1916 г.—166, в 1917 г. только 100 (данные доклада В. Фролова). „Таким образом, теперь приходится говорить не о падении, а о почти полном прекращении бурения. Количество дней, в которые проходили 1 сажень было в 1913 г.—1,6 дня, а дальше—1,9, 2,2, 2,3 и июль—апрель—1917 г.—3,6 дня, т. е. теперь, в среднем, в один месяц проходят только 8,5 саженей“ *). Хотя такая характеристика касается, главным образом, 1917 г., но тенденция падения бурения наметилась и гораздо раньше.

Таковы внешние—видимые данные—показатели Бакинской нефтепромышленности. Обратимся к ее внутренним пружинам—прежде всего к ценам на нефть.

Цены на нефтяные продукты **).

Цены на сырую нефть на промыслах (в Балаханах) (копейки за пуд).

Месяцы	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Январь	14,475	28,448	37,038	37,415	(?) 28,845	46,7	45,8
Февраль	16,177	30,973	37,081	40,357	34,311	47,3	61,3
Март	17,365	34,422	37,421	41,432	41,720	46,4	61,3
Апрель	18,112	32,724	39,057	37,989	40,630	46,1	61,3
Май	19,972	34,565	38,986	35,516	40,820	45,9	61,3
Июнь	21,558	35,897	39,988	44,642	42,661	45,8	61,3
Июль	24,188	36,921	45,130	41,626	48,305	45,8	61,3
Август	26,886	35,586	52,467	43,166	42,163	45,8	61,3
Сентябрь	28,036	36,358	52,540	33,788	41,264	45,8	61,3
Октябрь	24,051	36,007	46,197	25,309	43,299	45,8	96,2
Ноябрь	24,121	37,962	43,456	25,610	48,608	45,8	96,2
Декабрь	25,385	38,015	38,140	30,699	54,250	45,8	96,2
Среднее за год	21,693	34,823	42,291	36,462	42,240	46,1	68,7

*) Цитированный доклад В. Фролова.

**) Сравнительные статистические данные, ст. 269.

Как видно из таблиц, цены обнаруживали большие колебания и до войны. Эти кон'юнктурные колебания находились в определенной связи с производственными условиями. „Наблюдается в общем такой порядок: растут цены, растет бурение, растет добыча, затем падают цены, падает бурение, падает добыча, опять растут цены и т. д.—Это постоянный закон и только в 1916 г. мы видим, что цены чрезвычайно растут, между тем, как бурение идет вниз, идет вниз и добыча. Что же здесь за причина, которая нарушила закон, действовавший в течение 25 лет. В 1914 г., когда началась война с Турцией, цена нефти начала падать и в ноябре, в отдельных сделках, доходила до 21 коп. Как я понимаю, это зависело от ошибочной оценки рынка. Вследствие войны прекратился подвоз английского каменного угля в Россию, вскоре был захвачен немцами Домбровский район, так что, казалось, были основания для повышения цен в нефтяной промышленности, раз наблюдался повышенный спрос за отсутствием угля, но вместе с этим, прекратился вывоз нефтяных продуктов заграницу и возникли надежды, что на русский рынок поступит Галицийская нефть, и цены пали ***). Независимо от того, правильно ли отыскивается здесь причина падения цен, это падение является чрезвычайно непродолжительным. Указываемые факторы, в конце концов, должны были сказаться, и с начала 1915 г. цены стремительно лезут вверх. „Развитие и дальнейшее расширение деятельности крупнейших нефтяных предприятий, даже во время войны, оказалось возможным в виду исключительно благоприятной рыночной кон'юнктуры, создавшейся, вопреки первоначальным ожиданиям, для топливной промышленности вообще, нефтяной в частности. Усиленная работа железных дорог и флота, обеспечивали постоянный и все растущий спрос на все виды топлива, предложение которого, несмотря на повышенную добычу, сократилось, вследствие отпадения Домбровского угольного района и прекращения обычного подвоза английского угля. Всякая партия нефти, с удовлетворением характеризовал положение в 1915 г. статистический отдел фирмы бр. Нобель, бралась по любым ценам“ *). Такой под'ем цен, при возрастающем внутреннем потреблении нефти на нужды обороны, приводит к необходимости установить тердые предельные цены. „Потребители“ начинают требовать такой таксировки уже с первых месяцев 1915 г., но нефтепромышленники, очевидно, имели достаточно возможности для того, чтобы, по крайней мере, замедлить разрешение этого вопроса. 20-го марта наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков следующей телеграммой защищает интересы промышленников (слова в разбивку зашифрованы).

> Осуществить указанное Вашей телеграмме 18 марта *принудительное установление цен нефти Баку властью главнокомандующего* затрудняюсь, находя, что эта мера *крайняя* и непосредственно не вызывается потребностями *армии*, притом полагаю, что такая мера едва ли достиг-

---

*) В. Фролов. Стр. 5—6.

**) Л. Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности, стр. 119.

нет цели для внутренней губернии, т. к. последней причиною повышения цен являются кроме Бакинских цен также высокие цены фрахта речной и жел. дор. доставки+военный налог, а также общий недостаток подвижного состава на жел.-дор. и сокращение его для коммерческих перевозок в виду военных обстоятельств. Имеет в этом отношении большое значение несомненно и спекуляция старыми запасами на рынках и складах внутренних губерний, которую если и возможно устранить, то нормировкой цен не на местах производства, а на местах продажи и потребления. Подтверждение всему этому можно видеть из сравнения цен в Баку и Москве: второй половине января Баку 28 четвертью копейки, Москве 64, середине февраля Баку среднем 34, Москве 73. Таким образом, Бакинская цена составляет менее половины Московской. Повышение цен в Баку наблюдалось особенно в феврале и начале марта, когда после январьской средней цены 28 коп. она достигла в феврале в среднем 32, а по отдельным сделкам 38,5 коп., а в начале марта даже до 45 коп. под влиянием близкого открытия навигации. Однако, после 7 марта цена понизилась до 42,5 коп. и теперь держится этих пределов, доходя отдельных случаях до 43, но иногда сделки совершаются даже по 40. Понижение цен последнего времени вызвано, отчасти, слухами возможной реквизиции для военных целей, опасения которой, по моему мнению, достаточно гарантируют будущую рыночную цену, принудительное же установление общих цен нефти на потребности всей торговли и промышленности может создать ненормальные условия для самой нефтяной промышленности, вызовет обычные при всякой репрессии жалобы, попытки обхода правительственных распоряжений, умышленную задержку вывоза, сокращение добычи и в результате всего неплатежи казне и накопление недоимок...“ *).

Наоборот, министр путей сообщения, а затем и Министерство Торговли и Промышленности, выражают противоположную тенденцию и энергично настаивают на введении твердых цен.

Приведем документы.

22-го июля статс-секретарь Рухлов из Петрограда телеграфирует наместнику:

„Считаю долгом остановить внимание Вашего Сиятельства на постепенно, без всяких при том оснований повышающуюся цену нефти и остатков точка Положение это начинает становиться угрожающим для всей промышленности Империи и даже интересам Государственной Обороны. Не найдете ли возможным установить предельные цены нефти и нефтяных остатков в Баку в размерах, отвечающих средним ценам первой четверти года“ *).

---

*) Дело канц. наместника на Кавказе № 1662.

*) Там-же.

25-го же июля наместник получает следующую телеграмму:

„Непомерные цены на нефтяные продукты в Баку заставляют меня просить Ваше сиятельство не признаете ли Вы возможным, в виду имеющихся у Вас полномочий по военным обстоятельствам, фиксировать предельные цены на эти продукты. Со своей стороны полагал-бы, что предельная цена на мазут не должна превышать в Баку 43 коп. Министр Торговли и Промышл. Шаховской **)“.

Под давлением „потребительской“ точки зрения, правительственные органы начинают склоняться, наконец, к установлению твердых цен. „Несомненно, читаем мы в „Справке по вопросу об установлении цен на нефть в Баку“ ***), повышение цен в Баку об'ясняется удорожанием добычи, сокращением рабочих сил, затруднением в подвозе материалов для бурения и проч., но во всяком случае, наблюдаемые цены в 54 коп. представляются неестественными“.

Однако, еще многие месяцы ведутся долгие переговоры, в чьей компетенции находится такая таксировка, пока, наконец, 31-го декабря 1915 года Министром Торговли и Промышленности не было издано следующее обязательное постановление:

„На основании п. 8 ст. 10 Высочайше утвержденного положения об особом совещании для обсуждения и об'единения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, устанавливают для продажи жидкого минерального топлива нижеследующие высшие предельные цены: для сырой нефти на местах добычи 45 коп. и для нефтяных остатков на нефтеперегонных заводах 47 коп. за пуд“.....

В дальнейшем, рядом оговорок, отнесением некоторых расходов на счет покупателя и т. д., цена эта была в действительности несколько увеличена; по мнению журнала „Промышленная Россия“ она доходила до 72,5 коп., формальное же повышение предельной таксы последовало лишь 18-го февраля 1917 года (установлены были следующие таксы: сырая нефть франко место добычи 60 коп., остатки 62,4 коп., сырая нефть франко шкуна—61,9 коп.. остатки—62,9 к.). Фиксирование цен на нефть явилось об'ектом для нападок нефтепромышленной прессы и главным доводом предпринимателей против прибавок рабочим на дороговизну, военных пособий и т. д. Поэтому, необходимо разобраться в аргументах промышленников, их утверждениях, что фиксированные цены делают производство недостаточно рентабельным или даже прямо убыточным.

В № 3 „Нефтяного Дела“ за 1916 г. в пространной статье В. И. Фролов пытается установить отрицательные для народного хозяйства последствия введения фиксированных цен. Ход его рассуждения таков: размеры прибылей по отдельным фирмам, рентабельность отдельных участков, весьма неодинаковы. Цены на русском нефтяном рынке находились в

**) Там-же.
***) Там-же.

соответствии с себестоимостью нефти, добываемой на наименее нефтеносных участках; или, точнее,—введение в эксплоатацию худших участков обуславливалось рыночными ценами на нефть. Фиксированная цена в 45 коп. сделает эти худшие участки нерентабельными. Между тем, добычу с них В. Фролов определяет в 20—30 миллионов пудов. Такой цифрой, примерно, и должен выразиться недобор нефти, вследствие введения твердых цен. Между тем, эти последние 30 миллионов пудов рынку насущно необходимы[10]). Уже с одним этим доводом согласиться трудно. Забастовка 1914 г., давшая недобор нефти почти в 40 миллионов пуд. *), почти совершенно не отразилась на промышленности и транспорте России, о чем тогда же много писалось в „Нефтяном Деле". С другой стороны, сама действительность не оправдала мрачных предсказаний Фролова и в 1916 г. мы имеем не сокращение, а рост добычи и лишь в 1917 г., чреватый уже вне-экономическими осложнениями дал сокращение добычи (несмотря даже на повышение предельной таксы до 61, а затем и 96 коп.). Не лишне также отметить, что и до войны довольно заметная доля участков эксплоатировалась при высокой себестоимости (в убыток), и владельцы их отыгрывались исключительно на периодах резкого под'ема цен. Наконец следует вспомнить, что цифра в 45 коп. была в значительной степени номинальной, так как нефтепромышленники имели в своем распоряжении ряд возможностей ее обходить; так, особые надбавки допускались за „моторные качества" нефти, а под „моторную нефть" удавалось подводить почти всякую продаваемую партию.

Другая группа доводов, выдвигавшаяся нефтепромышленниками, основывалась на повышении себестоимости производства и оперировала цифрами роста цен на железо, трубы, строительные материалы, станки и т. д. Действительно, здесь картина получалась, на первый взгляд, очень незавидная. На XXXV экстренном с'езде нефтепромышленников (июнь 1916 г.) были приведены следующие данные о вздорожании „средств производства" в нефтяном деле: (См. таблицу на 18 стр.).

Однако, достаточно вдуматься в вопрос, чтобы понять, что основная отрасль нефтепромышленности — нефтедобывание, взятое изолированно, — затрагивалась этой дороговизной в очень незначительной степени. Вздорожавшие материалы, чрезвычайно сильно поднимали себестоимость бурения, но в стоимости эксплоатации уже готовых скважин, расходы на железо, строительные материалы и т. д. играли слишком небольшую роль. Такое разграничение процесса аммортизации скважин (закладка новых) от процесса их эксплоатации может показаться искусственным; может показаться, что необходимо брать промышленность в целом, а для такого функционирования ее в целом, высокие цены на материалы крайне неблагоприятны; но в реальной бакинской действительности эти процессы были на самом деле отделены

---

*) По подсчетам „Обз. Бак. Нефт. Пром." за 1914 г. (стр. 100—131) недобор выразился в сумме 38 мил. пуд.

Материалы	Цены			
	Июнь 1910 г.	Июнь 1914 г.	Окт.-дек. 1915 г.	Май 1916 г.
Железо котельное	1.59	—	3.70	—
„ трубное	1.59	2.60	3.75	4.00
„ резервуарное	1.35	1.62—1.67	3.94	5.50—8
„ кровельное	2.20	2.70	3.50—5.90	6.00—6.20
Сталь инструментальн.	7—8 руб.	9.40	24.00	35.00
Трубы газовые 0,5 дм.	0.10	11,5	0.35—0.40	0.60
Гайки соединительн.	0.20	22 к.	1.05—1.45	1.80
Болты 3/8 × 1	5.21	6.25	20.25	30.00
Олово	30.00	35.00	80.00	90.00
Кирпичи огнеуп. 100 ш.	12.00	15—16 руб.	45—50 руб.	100.00
Цемент	4.50	6.25—6.50	6.50—6.70	7.50
Гвозди пров. 2 дм.	2.50	3.35	7.80	18.60

друг от друга в значительной степени благодаря тому, что бурение в большинстве производилось особыми, только этими занимавшимися фирмами подрядного бурения. Небольшое же количество крупнейших фирм, производивших бурение самостоятельно, обладало достаточными запасами на своих складах*) и хорошими связями, помогавшими им доставать нужные материалы по твердым ценам, и дороговизной этой были затронуты в наименьшей степени. Нужда в материалах была сильнее всего в фирмах средних и мелких, но и здесь, внимательно анализируя жалобы Совета С'езда, мы видим, что они говорят не столько о ценах завозимого железа и т. д., сколько о его количественной недостаче. Вот, что говорил Председатель Совета С'езда Бакинских нефтепромышленников А. О. Гукасов, на заседании нефтяной секции Центрального Военно-Промышленного Комитета (21 ноября 1916 г. —цитирую по „Изв. Бак. Гор. Думы“ за декабрь 1916 г.).

„Нужда в железе для одного Бакинского района около полмиллиона пудов листового железа в месяц, около 70 тыс. пудов сортового железа и около 130—140 тысяч труб, так называемых, „американских“ труб. Если все это сложить, то получается около 700 тысяч пудов металла, нужного для одного Бакинского района. Взамен необходимого нам количества, мы получаем максимум от 5 до 6 миллионов пудов (в год вместе с Грозным В. П.) и нехватка дости-

*) Запасы некоторых фирм были настолько велики, что им суждено было дожить до советизации нефтепромышленности.

гает от 40 до 50%. Если вы проследите постепенно наши работы (буровые В. П.), то увидите, что наши работы сокращаются также на 40—50%. Поскольку не хватает металла, постольку сокращаются работы. Часто неимение одного сорта металла, при имении других сортов, не дает возможности вести буровые работы. Необходимо, чтобы сорта металла стояли в известном отношении друг к другу. Дают листовое железо, но не дают заклепочного. Принимались всевозможные меры в том отношении, чтобы к листовому железу в известном процентном отношении, было бы отпущено сортовое железо, но до сих пор эти хлопоты не имели успеха.

Но мало того, что нам назначат железо. Фактически железо получается значительно меньше, чем мы имеем право получить, по причинам двоякого рода. Первая причина — это нежелание заводов полностью работать то, что нам нужно, а вторая — невозможность получить товарные вагоны. Заводы под тем или иным предлогом, имея лучшие или более ценные заказы, стараются избегать исполнения наших заказов. Поэтому, с заводами приходится вести борьбу, чтобы добиться прокатки того количества железа, которое нам назначено. С 1-го января по октябрь, нами было получено $2^1/_2$ миллиона пудов железа; если же взять нашу потребность для одного только Бакинского района 500.000 пуд. листового железа в месяц, то мы должны были бы иметь его одного около 4 миллионов пудов. Сортового железа было получено 79 тыс. пуд., т. е., в среднем, по 7900 пуд. в месяц, вместо 70 тыс. пудов. Работы вести, при этих условиях, почти невозможно" [11]).

Возвращаясь снова к фирмам подрядного бурения, надо отметить, что их затруднительное положение обуславливалось, главным образом, тем, что работы было необходимо выполнять по старым, давно заключенным договорам и платежи за выполняемые работы поступали в размерах, совершенно не соответствовавших новой их стоимости. Фирмы подрядного бурения не раз поднимали вопрос о пересмотре старых договоров; правительственные органы были склонны оказать им в этом вопросе поддержку, потому, что, как мы увидим ниже, именно в фирмах подрядного бурения, забастовочное движение разворачивалось особенно остро, т. к. здесь отставание заработной платы от дороговизны было наиболее значительно и это отставание, отчасти, должно было быть отнесено за счет финансового положения фирм. Совет С'езда, принужденный согласиться с необходимостью пересмотра договоров, созывал дважды специальные совещаиия по этому вопросу (март 1916 г. и январь 1917 г.) В последнем случае фирмам подрядного бурения было заявлено о необходимости огульного повышения ставок договоров на 40% и Совет, хотя и признавая эту претензию преувеличенной, все же 18-го января телеграфировал фирмам о предоставлении их представителям полномочий для выработки возможных уступок.

Однако, в подрядном бурении было занято, в сравнении с другими отраслями, настолько мало рабочих (всего в оурении 8812 из 48526 ба-

кинских нефтерабочих), что, с точки зрения задач настоящей работы, материальные затруднения фирм подрядного бурения не характерны и не могут поколебать основного вывода настоящей главы: жалобы нефтепромышленников на неблагоприятную кон'юнктуру, на вздорожание себестоимости и невыгодность производства — сильно преувеличены, и господствующее в марксистской литературе, мнение по данному вопросу о высокой рентабельности *) нефтяного производства за годы войны нисколько не опровергается сокращением воспроизводства нефтяных скважин — нового бурения. Последствия падения бурения может быть и сказались бы через два—три года, но до тех пор размеры добычи и продажные цены на нефть (а до 1-го января 1916 года они к тому же создавались вполне рыночным путем), обеспечивали нефтепромышленности достаточно крепкое финансовое положение.

В нашем расположении имеются также чрезвычайно интересные данные **), позволяющие судить о влиянии прибавок к зарплате рабочих на себестоимость нефти. Вот какую таблицу можно составить на основании этих выборочных данных.

Годы	Добыча в пудах	Расход на рабсилу в рублях	Тоже на 1 пуд в коп.	Расход на зарплату только рабочим на 1 пуд в коп.	Из них на 1 п. в коп.	
					Временное военное пособие	Пособие семьям мобилизованных
1912	56688577	1791780	3053	—	—	—
1913	48525851	1885754	3886	2989	—	—
1914	48661410	2259947	4644	3584	—	0,082
1915	50198147	2778487	5535	4330	0,354	0,138
1916	54679979	3670169	6712	5055	0,953	0,126

Таблица не требует комментарий. Она ясно говорит, насколько незначительны были переплаты промышленников в связи с теми прибавками, на которые они так горько жаловались. Вместе с тем, таблица позволяет, хотя и косвенно (ибо мы не знаем степени изменения производительности труда) судить о повышении зарплаты ,которое не превышает 70% ***). Эту первую, приблизительно, намечаемую цифру, наши дальнейшие материалы подтвердят вполне [12]).

---

*) См., например, Эвентов, цит. соч., стр. 113.

**) Архив фирмы Т-ва бр. Нобель, дело № 23.

***) Повышение доли рабочих в себестоимости пуда нефти (2,066 коп.) составляет около 70%, а, отбрасывая пособия семьям мобилизованных (которые непосредственно эксплоатационным расходом не являлись, а скорее косвенным налогом на промышленность), всего — 64,5%.

ГЛАВА II.

Вопросы снабжения.

Экономико-географическая среда Бакинского нефтепромышленного района и до войны была таковой, что делала вопрос снабжения продовольствием и, отчасти, фуражем и притом снабжения именно из России, жизненно необходимым для района. Закавказье в целом, как известно, всегда принадлежало к числу потребляющих областей России; в еще большей мере это относится к его восточной части — нынешним Азербайджанским уездам. Если к этому прибавить, что непосредственно прилегающие к Баку земли совершенно бесплодны и земледелие влачит на этой сухой, обдуваемой свирепыми нордами, равнине жалкое существование — нам станет ясно, что жизненные припасы Бакинский район должен получать с сравнительно далеких сельско-хозяйственных рынков и что вопросы продовольственного снабжения являются важнейшими для его многотысячного населения. Приведем некоторые цифровые данные, иллюстрирующие это положение.

Производство и потребление хлебов в Закавказье.

Без Черноморской губ.		Среднее за пятилетие 1909—13 г. в миллионах пудов		
	Валовой сбор	Вывоз	Ввоз	Общее потребл.
Пшеница	39,9	11	29	57,9
Рожь	1,1	0,3	1,58	2,26
Кукуруза	20,2	9,7	4,1	14,6
Ячмень	22,2	4,5	4,8	22,5
Овес	0,5	0,06	0,6	1
Всего	83,9	25,59	40,08	98,36

Наиболее близко географически был связан Бакинский район с местностями, доставлявшими ему мясо. Главным образом, скот доставлялся пригоном и лишь отчасти по железной дороге из уездов Джеватского, Кубинского, Шемахинского; часть мелкого скота (до 50%) шла из Закаспия.

Однако, этот убойный скот далеко не покрывал потребность в мясе всего Бакинского района.

Основным резервуаром сельско-хозяйственных продуктов для Бакинского района являлось не Закавказье, (область вообще с недостатком хлеба), а Северный Кавказ и Поволжье. В отношении снабжения Бакинского района хлебом (а для Бакинского района это было равносильно снабжению пшеницей, ибо потребление других хлебов было ничтожно)*), Северный Кавказ и Поволжье занимали, примерно, одинаковое место, при-

*) В 1913 г., например, ввоз ржи 149 т. п., а пшеницы 6939 тыс. пудов.

чем кон'юнктурные колебания слегка меняли каждый год соотношения между ними. Завоз хлебных грузов производился либо морем (через Астрахань и Петровск), либо по Владикавказской, ныне Сев. Кавказской жел. дороге. По этим же товарным артериям Баку получал и сахар, картофель, отчасти мясо и другие продукты и фураж (главным образом с Сев. Кавказа). Более того, — географическое положение Баку, на рубеже с Персией, с одной стороны и на пути из России в потребляющие области Закавказья, с другой — делали его важным транзитным пунктом, распределительным рынком (по торговле с Персией — главным образом в отношении сахара). Это накладывало особый отпечаток на весь Бакинский продовольственный грузооборот. Наряду с цифрами ввоза, — слишком большими для собственного потребления, Баку давал и значительные цифры вывоза. Вместе с тем, этот грузооборот нельзя назвать и вполне транзитным, ибо, например, ввозимое зерно вывозилось, главным образом, уже в виде муки; а свободная циркуляция товаров легко создавала под влиянием кон'юнктурных или иных причин, большие запасы и эластичные расшиширения, или, наоборот, сжатия местного рынка.

Такой распределительный характер Баку, как торгового центра, чрезвычайно заметно сказался, как будет видно ниже, в первые годы войны; наличие больших запасов давало возможность при самом значительном регулировании и ограничении вывоза (например, сахар заграницу) легко маневрировать в области местного продовольствия. Вместе с тем чрезвычайно резко выявились и последствия географической изолированности Баку от питающих его местностей, с которыми он был связан тонкими ниточками транспортных артерий, почти совсем оборвавшихся в начале военных действий на Кавказском фронте и с прекращением „гражданского" грузооборота на участке Петровск-Баладжары (Баку). Ниже мы дадим общий очерк постепенного наростания продовольственных затруднений и попыток бороться с ними; причем, по возможнонти, центр внимания будем уделять специфическим особенностям продовольственного дела в промысловом и заводском районах.

Продовольственные затруднения в Баку стали вырисовываться значительно раньше, чем в других районах России. Понять причины этого не трудно, если вспомнить все то, о чем говорилось до сих пор. Первые же недели войны принесли вместе с мобилизацией и переброской, неслыханных до того времени, масс людей и материалов — перебои в области функционирования транспорта. Вступление в орбиту войны Турции и образование Кавказского фронта сделало эти перебои для Баку хроническим явлением. Таким образом, первоначально продовольственные затруднения возникали не по линии недостачи (абсолютной) жизненных припасов, а по линии неравномерного, неправильного их притока. С первых же дней войны, уже в начале августа 1914 г., Городская Управа начинает обнаруживать беспокойство и неоднократно ходатайствует перед военным ведомством и градоначальством о необходимости урегулировать перевозки в районе Бакинского уезда. Однако, дело регулирования транспорта, так беспомощно проводившееся и в последующие годы, когда налицо имелся и

опыт затянувшейся войны, и вполне сложившийся аппарат военно-бюрократического „планирования“— в первые месяцы войны, конечно, не могло дать абсолютно ничего. Указанные перебои в товарных завозах и распределительный характер Бакинского рынка, приводили к спекулятивным настроениям ажиотажа среди торговцев. Подтверждением этого ажиотажа могут послужить «грозные» циркуляры, воспрещающие злостное повышение цен на продукты; такие циркуляры, издаются уже с 25 июля 1914 г. но, конечно, не могли иметь значительного успеха. Одно из позднейших постановлений (5-го августа) отмечает, что взвинчивание цен, например на аптекарские товары, достигало в отдельных случаях 100% надбавки. Несмотря на такие симптомы нездоровости рынка, общая картина снабжения города, тем не менее, внушала мало опасений. Более того, господствовавшее мнение об окончании войны в несколько месяцев приводило местные власти подчас к очень близоруким решениям. В архиве врем. ген. губернатора имеется обширная переписка с Городской Управой по ходатайству последней о запрещении вывоза сахара в Персию (Август 1914 г.). Городской голова Л. Быч, в двух чрезвычайно подробно обоснованных записках с цифрами и статистическими данными в руках, добивался этого запрещения, считая, что и в этом случае сахарный рынок в Баку обеспечен только на несколько месяцев. Тем не менее, „попечительное начальство“ сочло целесообразным сохранить беспрепятственный вывоз сахара, отказав Городской Управе.

Что касается главного привозного продукта зерна и муки, то в общем, в течение 1914 и 1915 г.г., снабжение, хотя и происходило с заметными перебоями, но давало всетаки удовлетворительные цифры. Для характеристики неравномерности подвоза, приведу следующие суммарные цифры завоза зерна и муки по месяцам;*)

Октябрь	1914 г.	—800 тыс. пуд.
Ноябрь	„	—550 „ „
Декабрь	„	—180 „ „
Январь	1915 г.	—320 „ „

Привоз зерна **) дает некоторое сокращение:

Среднее за 1909—1913 г.г.	—8.377 тыс. пуд. ***)
1913 г.	—6.939 „ „
1914 г.	—5.177 „ „
1915 г.	—4 314 „ „

Однако, это сокращение отчасти компенсируется усиленным ввозом хлеба в виде муки:

Привоз муки (всех хлебов).

Годы	Ввезено.
1913 г.	1971 тыс. пуд.
1914 г.	1522 „ „
1915 г.	3198 „ „

*) „Известия Бакинской Городской Думы“ 1915 г. № 4, апрель.

**) Цифры касаются только пшеницы. В потреблении в Баку другие хлеба играют ничтожную роль; так, ржи в 1913 г. ввезено всего 149 тыс. пуд., в 1915 г.—65 тыс. пуд.

***) Всех видов зерна.

Вместе с тем растет роль Баку, как распределяющего рынка муки. Вывоз (главным образом в Закавказье) дал:

Годы	Вывоз	
	Муки (всех хлеб.)	Зерна (пшеницы).
1913 г.	1418 тыс. пуд.	129 тыс. пуд.
1914 г.	2352 „ „	136 „ „
1915 г.	2071 „ „	95 „ „

Комментируя эти цифры, Г. Григорьян, у которого мы их и заимствуем *), оценивает продовольственное положение в чрезвычайно радужных красках, отмечает полную обслуженность населения и особенно подчеркивает, как благоприятный позакатель, нормальный вывоз муки: „Падение привоза не отозвалось на продовольствии города, ибо запасы должны были оставаться с предыдущих лет, с одной стороны, а с другой—увеличился привоз муки; мало того, распределительный рынок почти не чувствовал стеснений, т. е. вывоз муки из города, можно сказать, продолжал держаться на нормальном уровне“... Такая оценка, конечно, страдает недопустимым оптимизмом. В условиях военного регулирования продовольственных запасов, вывоз хлеба вовсе не показывает его избытка. Оптимизм Г. Григорьяна совершенно не понятен, если вспомнить, что его статья написана в середине 1916 г., когда мы уже имели налицо такие грозные симптомы катастрофического положения народного продовольствия, как продовольственные беспорядки 14—16 февраля 1916 г. („бабий бунт“, о котором речь будет ниже), бешенный рост цен на продукты первой необходимости, когда Бакинская пресса кричит о необходимости экономить в потреблении жизненных припасов, когда ни одно рабочее волнение не обходится без указания на надвигающийся голод **).

Насколько серьезным представлялось продовольственное положение уже в начале 1916 г. видно, например, из доклада Городского Головы Л. Быча на заседании Бакинского Городского Совещания 3-го февраля, который, между прочим, совершенно иначе, чем Г. Григорьян, оценивает и значение вывоза муки из Баку.

„Всего за означенное время (Январь 1916 г. В. П.) в город прибыло 1026 вагонов с предметами продовольствия, что составляет, в среднем 34 вагона в день, взамен 72, положенных по норме, в распоряжение Городской Управы. От недостаточного подвоза страдает особенно сильно мучной рынок, т. е. против полученных городом за январь месяц 132 тыс. пудов муки, вывезено ее 221 тыс. пудов... Создается затруднительное положение: торговцы мукой повышают цены, мельники же (мукомолы) хотя и держатся еще на 15 р. 50 коп.—16 руб., но уже настойчиво требуют повышения. Мельница Тагиева уже закрылась. Надежды на маршрутные поезда не оправдались, их пока разрешено лишь два, а на 7 разрешение обещано, но еще не дано. Если такое ненормальное положение с подвозом будет продолжительным, то город с 100 тысячным рабочим населением, очутится лицом к лицу с кризисом и нам не избегнуть эксцессов

*) Составлено по отчетам начальн. порта и грузооборотам ст. Баку-Товарная.
**) „Известия Бакинской Городской Думы“ за 1916 г. № 6—7.

(недурной прогноз, оправдавшийся через 11 дней, В. П.). Необходимо запретить вывоз муки из города и обратиться к Мин. Путей Сообщения за урегулированием подвоза"...

Не лучше обстояло дело и с мясом. И здесь затруднения особенно начинают обостряться к началу 1916 г. Даже оптимистический Г. Григорьян, в цитированной уже статье, отмечает полное истощение мясных рессурсов в Бакинской губернии, которая, с прекращением подвоза с Северного Кавказа, одна явилась поставщиком мяса для нефтепромышленного района. В результате обнаруживается массовый убой молочного и рабочего скота, стимулирующийся, главным образом, высокими ценами на мясо и не менее высокими на корма. Убойный вес катастрофически падает. Растет потребление низкосортных видов мяса, как буйволятины (на 90%), мяса нетелей (на 80%), козлятины (на 57%); сокращается потребление говядины (на 10%) и телятины (на 20%). Таким образом, наряду с проеданием рабочего и молочного скота (пригон из Бакинской губ. возрос на 50% против довоенного), мы имеем переход к низкосортным видам мяса. Снабжение мясом начинает „беспокоить" „попечительное начальство" и в марте 1916 г. обсуждаются следующие мероприятия: сокращение порции в армии и лазаретах, ограничение подачи мясных блюд в ресторанах, даже введение двух обязательных постных дней в неделю. Рапортом от 23-го марта Балахано-Сабунчинский полицмейстер отмечает острую нехватку мяса в своем полицмейстерстве и злостные спекуляции, после чего начинает работать „инстанционная" чиновничья машина по „выявлению" спекулянтов и „взятию их на учет"...

Чрезвычайно характерным для иллюстрации тех продовольственных затруднений, в которые было поставлено население Баку, являются беспорядки и погромы лавок 14—16 февраля 1916 г. Погромы эти, получившие прозвание „Бабьего бунта", отнюдь не содержат в себе какого бы то ни было политического оттенка. Эту точку зрения разделяли и полицейские власти. „Почвой к беспорядкам—читаем мы в донесении Начальника Сыскной полиции Бакинского Градоначальства—послужил непомерный рост цен на жизненные, первой необходимости продукты, на которые торговцы взвинчивалн цены чуть ли не ежедневно"....*) Беспорядки озникли первоначально на базарах (Зеленном и др.) и быстро перекинулись в другие части города. Лавки громились, продукты расхищались, а отчасти даже истреблялись, случаев насилия почти не наблюдалось. „Толпы погромщиков, по своему составу, главным образом, были из русских женщин, всех национальностей хулиганов, ограшей (сутенеров) и воришек-рецедивистов, с примесью солдат и военных матросов. Среди женщин-погромщиц наблюдалась большая доля проституток".

К нарисованной картине полицейское красноречие забыло добавить только о той роли, какую сыграла в погромах сама полиция. Однако, кое-какие данные об этом мы все же имеем. Обвинение в подстрекательстве и в попустительстве к погрому было высказано вслух депута-

*) Архив Бакинского Градоначальства, дело № 26.

тами 4-й Государственной Думы при обсуждении их запросов Министерству внутренних Дел по поводу Бакинских событий [14]). Об отдельных случаях участия чинов полиции в разгромах лавок мы узнаем и из секретных документов. „По вопросу о том, какое участие принимали в погромах лично городовые, доложить ничего не могу. Но потом получались сведения, что в квартирах городовых имеются разные товары, награбленные во время беспорядков—читаем мы в уже цитированном донесении начальника сыскной полиции. Далее приводятся некоторые случаи обнаружения награбленных вещей и сообщается о принимаемых мерах [15]).

Отзвуки событий этих дней во всей прессе России [16]) не могли не заставить Бакинские власти призадуматься над создавшимся положением вещей [17]). Особенно тревожным было настроение в „рабочем полицмейстерстве", в Балахано-Сабунчинскоом. В приложениях мы помещаем полностью рапорт Балахано-Сабунчинского полицмейстера от 27-го февраля 1916 года, рисующий довольно подробно состояние продовольственного дела в районах.

Из этого рапорта мы узнаем, что район совершенно не был обеспечен продовольствием. Слабость кооперативного снабжения отдавала большинство рабочих в руки нескольких торговцев. Между тем, абсолютные размеры населения в рабочих районах были достаточно велики, чтобы неналаженность продовольствия была угрожающей; для Балахано-Сабунчинского района рапорт определяет его в 126.000 душ.

Таким образом, очевидно, что все трудности, испытываемые Бакинским районом в целом, необычайно усиливаются по отношению к его промысловой части. Безвыходное положение заставляло рабочих и служащих стремиться наладить продовольственное дело самостоятельно, путем кооперативного снабжения, и фирмы принуждены были итти, в этом отношении, навстречу. Так наиболее крупное Потребительское Общество (бр. Нобель), обслуживавшее, однако, и рабочих некоторых других фирм, получило в качестве беспроцентной ссуды, при своем возникновении (Октябрь 1915 года):

От „Т-ва Нобель"	5.000	руб.
„ „ „Мазут"	2.000	„
„ „ „Волга"	2.000	„
„ „ „Онега"	2.000	„

Некоторая помощь потребительским лавкам оказывалась и в области закупок и т. д., но все это могло быть только паллиативом, да к тому же и далеко не для всей массы рабочих. В этом отношении характерны прошения рабочих Нобеля 3-го и 19-го декабря 1916 г., которые подчеркивают: в одном случае необходимость применения в потребительской лавке карточной системы, в другом—ходатайствуют о прекращении отпуска некоторых товаров не-пайщикам общества.

Забастовки 1916 г., о которых, в дальнейшем, еще придется говорить, все проходят под знаком продовольственных затруднений. В этом

отношении замечательна однодневная забастовка протеста 17-го декабря в механических мастерских, ремонтном отделе и судовых командах Т-ва Нобель. Об этой забастовке Правлению доносили, что она возникла „из-за отсутствия в городе муки и хлеба. При этом их уполномоченные нам заявили, что эта их забастовка отнюдь не направлена против товарищества, а только должна служить доказательством их протеста против нынешних порядков в продовольственном деле". (Архив бр. Нобель, дело № 15).

Таким образом, забастовка эта носит все признаки политической. Характерна также забастовка, происходившая в тех же механических мастерских Нобеля несколько раньше—26—27-го октября 1916 года. Здесь было выставлено уже определенное требование к фирме: „гарантия в том, что фирма позаботится о том, чтобы рабочие были обеспечены приобретением печеного хлеба, т. к. такового в Балаханах или совсем не достать, или с большими затруднениями"... Причем за дни забастовки должно быть уплочено, ибо „в недостатке хлеба виноваты не они, а нефтепромышленники" [18]. Ряд других забастовок за тот же период содержит в числе требований много продовольственных моментов, как, например, выдачу сахара детям и т. д.

Вот как рисует в конце 1916 г. продовольствие промыслов председатель Совета С'езда Нефтепромышленников А. Гукасов в докладе Центральному Военно-Промышленному Комитету."... надо, чтобы рабочий был сыт, надо его накормить. Вот уже полтора месяца, как в Баку с этим вопросом дело обстоит очень плохо. Бывали моменты, когда промысла оставались без всего. С большим трудом удавалось получить необходимое, минимальное количество муки. Мы обратились к нашему уполномоченному, поручили ему в Петрограде быть у министра, переговорить, указать, что рабочее население без хлеба оставаться не может, что если это население будет голодным, то легко можно представить себе последствия этого... Мы просили, чтобы, по крайней мере, были обеспечены промысла... Но, к сожалению, мы до сих пор этой муки не видим. Если это положение продлится еще неделю, то ясно, что рабочие будут сидеть без хлеба, а какие последствия будут в этом случае—каждому ясно. Нет хлеба, нет сахара. В таком беспомощном положении находятся работающие на промыслах". (Из доклада 21 ноября 1916 г.).

Такова была общая картина продовольственного вопроса в Баку и его рабочих районах в частности. Мы видим, что затруднения наростают и становятся особенно острыми уже к 1916 г. Но для того, чтобы увидать воочию все размеры надвигающегося голода для рабочего населения, необходимо подойти к вопросу и с другой стороны—со стороны платежеспособности того спроса, который, как мы видели, вообще удовлетворялся все труднее и труднее. Иными словами, необходимо остановиться на вопросе о движении заработной платы и цен на продукты потребления и установить, таким образом, изменения уровня реальной зарплаты.

Этим вопросом и занимается следующая глава.

ГЛАВА III.

Цены и заработная плата.

В предыдущей главе было выяснено, в каких затруднительных условиях происходило снабжение Бакинского нефтепромышленного района и, в частности, его промыслово-заводской части. Сейчас необходимо остановиться на том, как эти перебои в снабжении отражались на движении цен на предметы потребления*) и сопоставить это движение с колебаниями заработной платы.

Для того, чтобы выполнить эту задачу с исчерпывающей научной точностью, необходимо было бы проследить по месяцам движение стоимости бюджетного набора Бакинского рабочего и сопоставить его с движением заработной платы. Однако, данные, которыми мы располагаем, не позволяют проделать это. Прежде всего, нет твердо установленного бюджетного набора. Единственная попытка в этом направлении, сделанная в 1922 г. АСПС (набор из 15 предметов), является, во-первых, очень неточной, пожалуй, тяжелого года —заметно отличающейся от потребления „в доброе старое время“ (в смысле состава потребляемых продуктов). Но главное затруднение состоит в том, что если бы мы даже и согласились дать за основу набор АСПС,—проследить его стоимость за интересующие нас месяцы войны не удалось бы, т. к. в нашем распоряжении не нашлось бы цен на ряд предметов, фигурирующих в этом наборе. Единственным достоверным источником о движении Бакинских розничных цен являются статистические данные Бак. Гор. Управы. Но здесь мы имеем (да и то не за все месяцы одинаково полные) почти исключительно сведения о предметах питания и лишь отчасти о некоторых других группах товаров. Такая важная группа товаров, как текстильная, в этих материалах, напр., не затрагивается вовсе. Дополнять же эти материалы данными из других, не бакинских источников, было бы совсем недопустимо, ибо обрисованное уже специфическое экономико-географическое положение Баку придавало большое своеобразие местному рынку. Таким образом, пришлось совершенно отказаться от анализа (взвешенного) индекса и просто проиллюстрировать движение цен на отдельные товары по тем материалам, которые оказались налицо.

Перед нами таблица, рисующая движение розничных цен на 13 главнейших продуктов питания.

---

*) „Целевая установка“ настоящей главы оставляет в стороне цены на предметы, непосредственно потреблению не служащие (металл, строевые материалы и т. д.). Отчасти этими ценами мы уже занимались в другой связи, в главе I.

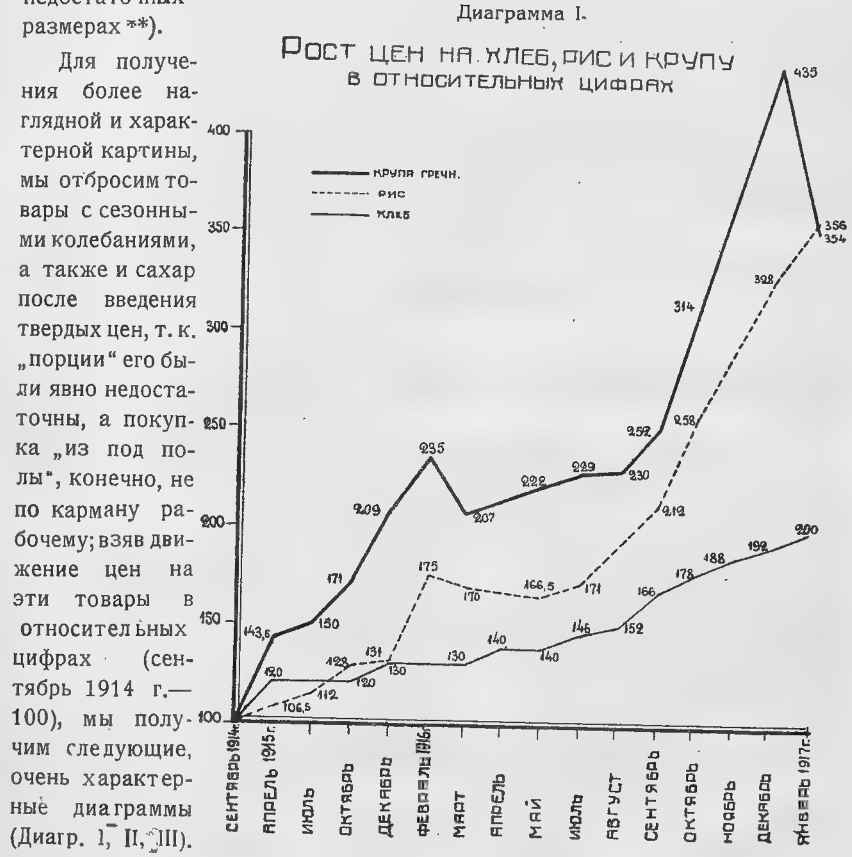
Движение розничных цен на предметы первой необходимости (по данным Б. Г. У.).

Месяцы	Хлеб пш. I с. за 1 ф.		Говяд. I сорт за 1 ф.		Карт. белый за 1 ф.		Керосин за 1 п.		Сахар колот. за 1 ф.		Рис акулинс. за 1 ф.		Крупа гречн. за 1 ф.		Яйца за десят,		Капуста кв. 1 ф.		Капу. свеж. 1 ф.		Масло подс. за 1 ф.		Масло сливочн. I с. за 1 ф.		Молоко 1 кружка	
	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%	Коп.	%
Сент. 1914 . .	5	100	16,5	100	3	100	1,41	100	16,9	100	12,8	100	6,9	100	24,2	100	6,5	100	4,4	100	16,5	100	63,3	100	5,4	100
Апр. 1915 . .	6	120	17,3	105	4,5	150	154	109	18,4	109	13,6	106,5	9,9	143,5	24,4	101	9,1	140	13,9	316	16,8	102	62,1	97	5,8	107,5
Июль „ . .	6	120	16,3	99	4,9	163	152	108	19,9	118	14,3	112	10	145	25,8	106,5	—	—	5,2	118	17	103	60,7	96	6,0	111
Октяб. „ . .	6	120	16,6	100,3	4,5	150	167	118,5	19,7	116,5	16,4	128	12,8	171	41,6	172	—	—	4,8	109	17,5	106	87,2	138	6,6	122
Декаб „ . .	6,5	130	18,6	113	4,9	163	167	118,5	—	—	16,8	131	15,1	209	43,7	185	7,4	114	6,1	139	30,6	185	123	194	7,2	133,3
Февр. 1916 . .	6,5	130	22,8	138	—	—	—	—	21,4	127	22,4	175	16,2	235	42,7	176,5	12	184,5	9,6	218	—	—	135	214	7,5	139
Март „ . .	6,5	130	—	—	6,6	220	—	—	21	124	21,7	170	14,3	207	43,2	178,5	11	169	8,7	196	—	—	129	204	7,8	144,5
Апр. „ . .	7	140	24,8	150	—	—	122	86,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	-	37,2	225	—	—	—	—
Май „ . .	7	140	—	—	5,3	177	—	—	20,8	123	21,3	166,5	15,3	222	43,1	178	—	—	9,4	214	—	—	123,3	195	9,5	176
Июль „ . .	7,3	146	26,3	160	6,7	224	175	124	—	—	21,9	171	15,8	229	45,9	189,5	—	—	4,9	111	37,8	229	128,7	203	9,9	183
Авгус. „ . .	7,6	152	29,1	176	6,5	217	175	124	32	189	—	—	15,9	230	48,5	200	10	154	5,9	134	42,4	257	145,7	230	10,5	194
Сент. „ . .	8,3	166	35	212	7,2	240	—	—	43,5	257	27,2	212	17,4	252	64	264	12,3	189	8,9	202	51,2	310	189,7	300	12,8	237
Октяб. „ . .	8,9	178	36,4	220	7,4	246	204	145	43,5	257	33,1	258	21,7	314	76,5	316	12,6	194	6,5	148	66,2	400	209,2	330	1,49	276
Ноябр. „ . .	9,4	188	36,7	223	7,2	240	230,8	164	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71,2	431	—	—	—	—
Декаб. „ . .	9,6	192	42,8	260	6,9	230	241,6	171	25	148	42,1	328	30	435	77,6	321	12,4	191	7,2	164	85	515	280,5	443	15,2	281,5
Янв. 1917 . .	10	200	54	327	7,4	246	249	177	25,5	151	45,6	356	24,4	354	94,8	392	13,2	203	11,5	261	74,3	450	329,3	520	16,5	305

Рассматривая ее не трудно увидеть, что дороговизна возрастала далеко неодинаково по различным товарам. Наиболее выделяется темп роста цен на молочные продукты, подсолнечное масло*), рис и крупу гречневую, а также и на говядину. Рост цен на группу товаров совершенно завуалирован сезонными колебаниями (капуста свежая, картофель и др.) и здесь мы имели бы неправильную кривую под'ема, а волнообразную линию; на другие товары большое влияние оказала правительственная нормировка цен, (установление твердых такс). Таковые, напр., были установлены по отношению к хлебу, мясу, сахару. Движение цен на последний обнаруживает в конце 1916 г. резкий скачек вниз, но, говоря строго, это уже не цена, ибо рыночный оборот сахара приостанавливается, а потребление нормируется и при этом в явно недостаточных размерах **).

Для получения более наглядной и характерной картины, мы отбросим товары с сезонными колебаниями, а также и сахар после введения твердых цен, т. к. „порции“ его были явно недостаточны, а покупка „из под полы“, конечно, не по карману рабочему; взяв движение цен на эти товары в относительных цифрах (сентябрь 1914 г.—100), мы получим следующие, очень характерные диаграммы (Диагр. I, II, III).

Диаграмма I.

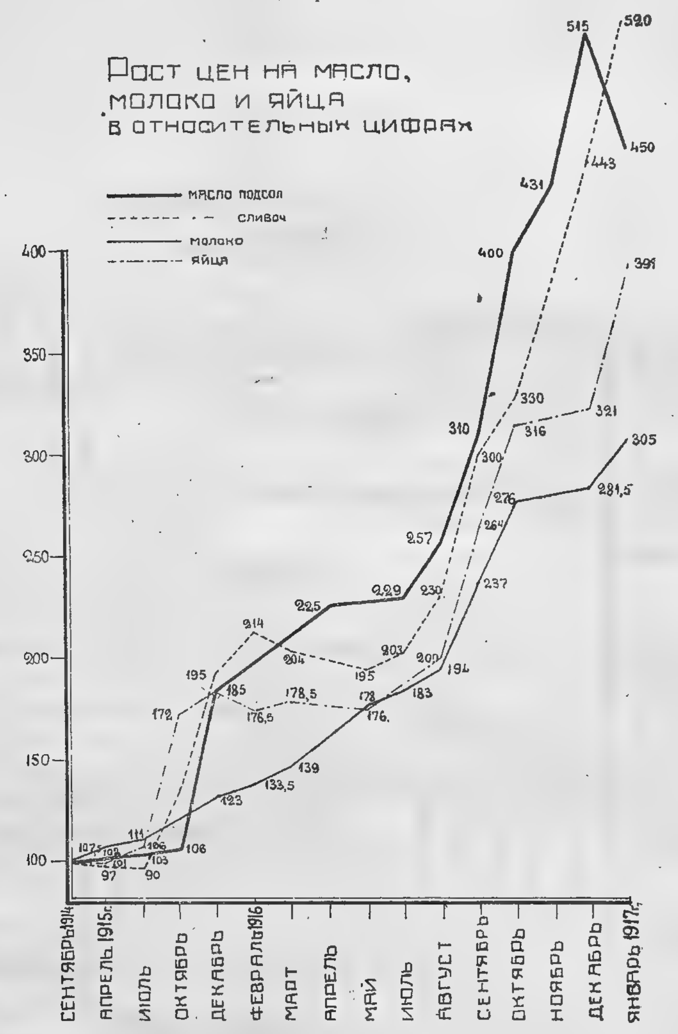

*) Особенно, если мы вспомним, что цена мирного времени—1913 г. была всего 12 коп. за фунт.

**) Нормировка цен на хлеб и говядину лучше отражала действительное положение рынка, хотя и здесь мы имели ряд петиций хлебопеков о пересмотре хлебных такс; дело доходило даже до приостановки выпечки наиболее слабыми пекарнями.

При рассмотрении этих трех диаграмм, можно убедиться, что рост цен на предметы первой необходимости становится особенно стремительным к лету 1916 г. (обращаю внимание, что деление на абсциссе диаграммы в начале означают промежутки в 3—5 месяцев, а в конце в 1 месяц; если бы диаграммы развернуть в одинаковом масштабе, то разница в крутизне под'ема в начале и конце периода получилась бы еще заметнее.

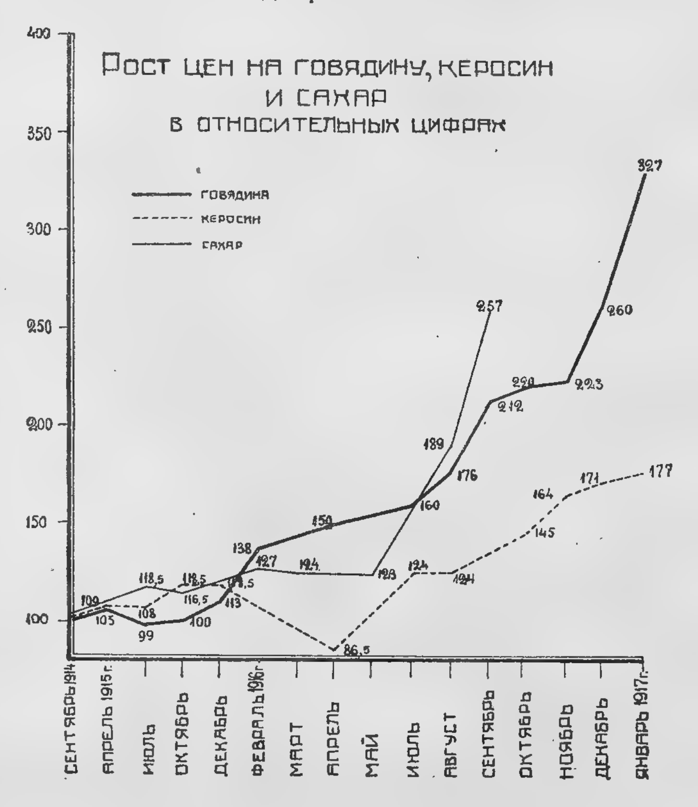

Диаграмма II.

Вздорожание на 100% (вдвое) можно принять, как в общем характерное для этого момента (первая половина лета 1916 г.). Значительно ниже этой нормы стоит керосин, что, во-первых, вполне понятно для ке-

росино-производящего центра, а, во-вторых, вообще не могло играть почти никакой роли в бюджете рабочего, т. к. большинство фирм выдавало керосин натурой или выплачивало его рыночную стоимость *)—затем хлеб, отчасти сахар и говядина. По отношению к этим продуктам регулирующая роль государства (таксировка и т. д.) проявлялась особенно сильно— но зато мы знаем, что в них ощущалась определенная нехватка и количественно их потребление сокращалось. Это, начиная с лета 1916 г., явившегося в известном смысле поворотным пунктом—цены скачут уже настолько стремительно, что совершенно обычным становится к январю 1917 г. вздорожание в 3—5 раз **).

Диаграмма III.

*) Нормой у Т-ва Бр. Нобель и Касп. Черн. О-ва был 1 п. в месяц; у Моск. Кавк.—1 п. 20 ф.; у Манташева—10 ф.

**) Сравнивая диаграммы, мы видим, что особенно быстрым был темп роста цен на молочные продукты (№ 2), по этому поводу, забегая несколько вперед, можно отметить, что в некоторых забастовках рабочими выдвигались требования о снабжении детей молоком.

Итак, кроме „абсолютных“ затруднений в снабжении жизненными припасами, рабочему населению бакинского нефтепромышленного района приходилось иметь дело также с „относительным“ фактором—дороговизной. Но, может быть, дороговизна эта компенсировалась вполне ростом заработной платы, так что реальная покупательная сила среднего заработка рабочего оставалась неизменной. Попытаемся проследить движение заработной платы за интересующие нас годы*).

Оклад	%% рабочих 1914 г.	%% рабочих 1916 г.
До 1 руб.	47,77	14,65
1—1.50	29,26	52,49
1.50—2.50	14,37	19,70
2.50—5 руб.	7,93	11,76
Свыше 5 руб.	0,67	1,4
	100%	100%

Прежде всего, необходимо оговориться. Необычайная сложность построения заработной платы в Баку (в нее входили, кроме основного оклада, также квартирные, банные и т. п. деньги, причем иногда все эти виды довольствия рабочий получал натурой; затем наградные, далее футовые, попудные и различные премиальные) **) делает почти невозможным охватить точно ее движение. Все указанные добавочные виды получений были в различных фирмах чрезвычайно разнообразными; наградные иногда выдавались с опозданием до года, что еще более затрудняет учет в условиях роста дороговизны. Все эти моменты отрицательно действовали-бы на исследователя даже в том случае, если бы у него в руках был достаточно полный материал о движении основного оклада; но даже таких данных у нас нет. Далеко неполные сведения о прибавках и военных пособиях (частью находящиеся в полицейских материалах по забастовкам) несколько случайных документов, дающих сводный обзор заработной платы в той или иной форме; некоторые материалы в конфедициальных „делах“ фирм (главным образом Нобеля), вот все, чем мы располагаем. Поэтому, предлагаемые ниже моменты должны быть рассматриваемы лишь, как части картины, для восстановления которой в полном виде, не хватает данных.

*) Некоторое представление об абсолютных размерах зарплаты по Бакинской нефтепромышленности (наши материалы стремятся обрисовать в первую очередь динамику изменений ее) даст следующая табличка, взятая из работы инженера Козминых-Ланина „Заработки фабрично-заводских рабочих России июнь 1914—июль 1916“.

В средние цифры зарплаты здесь включены все виды получений и они выверены путем деления всех выплат в июне (июле) на число проработанных дней. Этот метод делает данные для 1914 г. мало характерными, благодаря забастовке.

**) В одном из документов Нобелевского архива перечисляются 15 видов получений, фигурирующих в общем заработке рабочих. Правда, у большинства фирм фигурировало 8—11 видов; у самого Нобеля их было только 9.

Месячный заработок.

Фирмы	Оклад	Квартирное довольствие					Военное пособие	Наградные	Попудные и футовые	За незатаскивание желонки	Праздничные	Баня или деньги	Мыло „	Уголь	Проездные
		Кварт. деньги	Топливо	Керосин	Вода	Доставка									
Нобель (70)	34—46	10	26,5 п.	1 п.	60 в.	3 р.	32 р.	25% = 8.50 или 11.40	—	—	1.10—1.53	Нат.	—	—	—
Касп.-Черн. О-во (10)	30—44	10	26 п.	1 п.	60 в.	3 р.	32 р.	20% = 6.90 или 7.60	—	—	1.33	Нат. или 3 р.	—	—	—
Манташев (53)	31—47	В Балах—8 р., в Б.-Э.—6 р.	20 п.	10 ф.	?	—	32 р.	21% = 6.50 или 9.90	—	—	Бал.—2 р., Б.-Э—1.65	Нат. или 2 р.	Деньги за 4 к., а Б.-Э. натур.	1 п.	от 50 до 20 к. в день
Питоев (26)	30—44	н	а	т у	р о	й	32 р.	20% = 6 или 8.80	—	—	1.65	Христ. нат., мус.—80 к.	Бал., Бин. 4 куска, Б.-Э. 3 р.	1 п. 10 ф.	—
Моск.-Кав. (18)	36—77,50	8 р.	6 р.	1 р. 20 к.	2 р. 40 к.	1 р.	32 р.	20% = 7.20 или 15.50	—	—	1 р.	Нат.	—	—	—
Руно (22)	34—43	Натурой в меру потребности или деньгами за все в размере 11 р. 25 к.					32 р.	20% = 6.80 или 8.60	—	—	Ок. 1.35	Нат. или 4 р.	—	—	—

Цифры после названия фирмы показывают число вошедших в сводку рабочих.

Сугубая „выборочность“ нашего анализа всецело должна быть отнесена за счет недостатка материалов. Впрочем, для целей настоящей работы, такой метод вполне закономерен, ибо больших вариаций в уровне заработной платы существовать продолжительное время не могло и не только в силу обычных „рыночных“ законов, но и в силу определенной договариваемости между промышленниками, о чем говорить придется не раз*).

Для кануна и первых месяцев войны, очень полный материал о рабочих окладах дают данные фирмы бр. Нобель. Мы приводим эти Нобелевские нормы (установленные с 15 сент. 1914 г.), причем наименее распространенные категории рабочих нами опускаются.

Зарплата промысловых Нобелевских рабочих с 15 сентября 1914 года **).

Категории рабочих	При поступлении	Максимумы через			
		2 нед.	6 мес.	1 год	3 года
Сторожа	23 р.	—	24 р.	26 р.	28 р.
Аробщики	24 р.	—	25 р.	27 р.	29 р.
Ключники (п. бур. м.)	1.35	—	1.45	1.55	1.65 1.75
Тормазчики	0.95	—	1.00	1.15	1.25
Рабочие по бурению	0.80	—	0.85	0.90	0.95
Старшие тартальщики	1.35	—	—	1.45	1.55
Тартальщики	0.85	—	0.95	1.00	1.05
Оч. хор. тартальщики	0.85	0.95	1.00	1.05	1.15
Старшие рабочие	1.15	—	1.25	1.35	1.45
Кочегары	0.90	—	0.95	1.00	1.10
Масленщики	0.90	—	0.95	1.00	1.10
Чернорабочие из артели	0 85	—	0.90	0.95	1.00

В противоположность этим, предполагаемым нормам, мы имеем от 1-го апреля 1915 г. отчетные данные о существующих заработных платах. Приведем средние цифры для каждой категории рабочих.

*) Для иллюстрации, как огромной сложности структуры зарплаты, так и относительной одинаковости в фирмах, приводим полностью сводную таблицу заработных плат из архива Нобеля (Дело № 61). Таблица эта, охватывающая только одну и притом не особенно значительную профессию (кочегаров), повидимому относится к концу 1916 года, о чем можно заключить из размеров военного пособия (32 р.) Точной даты в деле не сохранилось.

**) Архив Нобеля. Дело № 61. Цифры обозначают либо рубли в месяц, либо копейки в день.

Зарплата заводских рабочих Нобеля с 1 августа 1914 года.

Категории рабочих	Максимум через			
	При пост.	6 мес.	1 г. 6 мес.	3 года
Вахтенные и денные рабочие по перегонке и очистке масел, бензина, кочегары при кубах заводов, рабочие при солидаторах, фильтр-прессах, при очистке и разливочн. отделении парафинного и вазелинового зав., раб. при печах и т. д.; чернорабочие всех отделений, общие рабочие при разных работах .	0.80	0.85	0.90	0.95
Масленщики и кочегары при пар. машинах и котлах	0.85	0.90	0.95	1.00
Прислуга при лабораториях	18	19	20	22
Кочегары и масленщики при электростанциях	0.90	0.95	1.00	1.05
Рабочим при разливке, при бондарке и береговым рабочим пристаней . .	24 р. или 80 к.	25.50 или 85 к.	27 р. или 90 к.	28.50 или 95 к.

Промысловые данные: средняя для поденных, невахтенных (рабочие по бурению, тартальщики и т. д.)—1.08,1 (из них тартальщики и надсм. 96,6, тормаз 1,12, рабочие по бурению 89,4, масленщики 1.08).

Поденные мастеровые—2.04,5; поденные механические рабочие—1.29,9.

В механических мастерских: средняя для молотобойцев и подручных всех цехов—1.18,2. Средняя для группы мастеровых 1.95,9 общие рабочие—95,2.

Заводы Черного города: Средняя для мастеровых, кроме подручных 1.98,3. „Месячные“ мастеровые 52 рубля 11,5 коп.; поденные вахтенные и чернорабочие 1.02,6.

Месячные промысловые рабочие и мастеровые (шоффера, масленщики, мастеровые, плотники и т. д.); общая средняя для рабочих, за исключением ниже указанных 27 р. 31,5 коп. Средняя для шофферов, рабочих при казенных учетчиках, складчиков и мастеровых 46 руб. 86,6 коп. *).

Сравнивая таблицу с этими цифрами, мы видим, что намеченные в сентябре 1914 г. нормы платы, в общем были проведены в жизнь и что фактическая средняя заработная плата колеблется всюду в пределах между указанным максимумом и минимумом **).

*) Там-же. Рубли в месяц или коп. в день.

**) Мы исходим из предположения, о получении рабочим полной заработной платы. В действительности пропуски по разным (в том числе и уважительным причинам при совершенстве царского страхового дела и штрафы заметно понижали реальный доход. О штрафах некоторое представление могут дать печатаемые в „Приложениях“ отрывки из „расчетной книжки Нобеля“. Следует отметить, также что заработная плата в мелких фирмах подчас довольно сильно отставала от Нобелевской.

30-го марта 1915 г. в местных газетах появляются сообщения о якобы, разрешенных нефтепромышленниками прибавках („временное военное пособие“) в размере 12% семейным и 6% холостым. Слухи эти, отражавшие уже вынесенное промышленниками решение, хотя бы отчасти удовлетворить назревшую необходимость в повышении зарплаты (вспомним, что „пищевой индекс“ к началу 1915 г. заметно повышается), не вполне оправдались, ибо последовавшая прибавка была сделана не в форме % повышения ставок, а выразилась в одинаковых размерах для рабочих всех окладов. Слухи о предстоящих надбавках волновали рабочих; агенты Нобеля доносят правлению в Петроград о неразрешенном полунелегальном собрании рабочих „Бамнито“ и „Мокато“ 7-го апреля, причем с удовлетворением констатируется, что между квалифицированной и неквалифицированной частью собравшихся возникли большие разногласия по вопросу о желательной форме прибавки *). Наконец, на бакинских промыслах вывешиваются об‘явления:

„Начиная с 1-го апреля сего года, во все время военных действий... всем рабочим и мастеровым, числящимся по нашим спискам постоянными рабочими, в том числе (перечень) мы будем выдавать пособия, независимо от получаемого заработка в следующих размерах: холостым 3 р. в месяц, семейным—6 руб. в месяц...“**).

Итак, лед, наконец, тронулся—была дана первая прибавка, (19) хотя отнюдь не в достаточных размерах ***). Но мы жестоко ошиблись, если бы подумали, что вынесенное Советом решение было проведено в жизнь всеми и без задержки. Следующая глава покажет нам, какими тяжелыми забастовочными усилиями добивались рабочие (главным обр. мелких фирм) распространения и на них „советских“ норм военного пособия.

В конце лета 1916 г. наиболее крупные фирмы начинают доводить военное пособие уже до 5 руб. холостым и до 10 р. семейным. Однако, делается все это крайне неохотно и под давлением дороговизны и волнений рабочих. Ниже, в „Приложении“, помещается текст петиции, представленной на XXXIV очередной с‘езд нефтепромышленников, происходивший в 1915 г. Петиция эта представляет собой вполне продуманную систему требований и хотя очень большое внимание в ней уделено вопросам просвещения, больничного дела и т. п. культурных нужд ****),—на

---

*) Арх. Нобеля. Дело № 12. При момощи простенького расчета не трудно убедиться, что только группам рабочих, основной оклад которых превышал 50 руб., %-ная норма прибавки была выгоднее, чем введенная общая (3 руб. холостым и 6 р. семейным). Таких рабочих было немного.

**) Цит. по „Нефтяному делу“ 1915 г. № 7 стр. 33 (от 8 апреля).

***) Так, вздорожание к апрелю 1915 г. выражалось в следующих цифрах: для хлеба на 20%, крупы гречневой на 43%, сахара на 9%.

****) В этом отношении печатаемая петиция дает прекрасную общую картину состояния просветительного и больничного дела в рабочих районах и правильно, в основном, отмечает, что учреждение Сов. С‘езда, по своей роли соответствовало земским учреждениям в др. мест.

первый план все же выдвигается, как центральная проблема, восстановление нормального уровня реальной зарплаты, путем прибавок соответствующих действительной дороговизне.

Тактическая линия основной массы бакинских нефтепромышленников заключалась в том, чтобы, с одной стороны, удерживать наиболее крупные (и, пожалуй, наиболее дальновидные) фирмы от уступок рабочим, а, с другой стороны, затягивать проведение в жизнь уже принятых Советом С'езда нефтепромышленников норм пособий. Чрезвычайно любопытен в этом отношении следующий документ, представляющий из себя „донесение" правлению Т-ва бр. Нобель:

„г. Баку 13 дек. 1915 г.

Господину Директору Правления Т-ва бр. Нобель

А. Г. Леснер в Петрограде.

М. Г. Артур Густавович. Вчера состоялось у А. О. Гукасова *) заседание нефтепромышленных фирм... (следует перечень). На этом заседании обсуждался вопрос, следует ли в связи с настоящим настроением рабочих и вздорожанием жизни, с одной стороны, и в связи с поданным представителями рабочих председателю 34-го С'езда прошением, с другой—увеличить или нормы выдаваемого рачим военного пособия или оклады заработной платы. Относительно увеличения заработной платы все единогласно высказали, что этого увеличения не следует делать. По вопросу же об увеличении нормы военного пособия возникли долгие прения, в результате которых один только П. А. Князев за увеличение военного пособия теперь же; остальные представители находили, что делать такое увеличение в данный момент—преждевременно, во первых, потому, что еслибы такое увеличение и было сейчас проведено, то к открытию навигации неминуемо пришлось бы сделать еще новую прибавку, а, во вторых, потому, что по мнению этих представителей, вообще не следует давать рабочим думать, что эти прибавки приобрели регулярный характер и что они могут рассчитывать получать их через некоторые промежутки времени и в дальнейшем и потому необходимо с новой прибавкой повременить, хотя бы до навигации, когда она явится гораздо более кстати в виде поощрения рабочих к правильной беспрерывной работе. Сторонники такого решения вопроса указывали на то, что вряд ли можно теперь опасаться каких либо активных выступлений со стороны рабочих, ибо они прекрасно знают, что раз они будут уволены со службы в нефтяных фирмах, то все военнообязанные из их среды будут взяты на военную службу; кроме того, армяно-мусульманская часть рабочих на промыслах против каких либо выступлений в смысле забастовки, не говоря уже о том, что и вообще все рабочие, кроме мастеровых, ей не сочувст-

*) Председатель Совета С'езда.

вуют, мастеровые же, известная часть которых и является возбуждающим элементом, поддержки среди остальных рабочих не найдут,—благодаря той розни, которая возникла между этими двумя частями рабочего населения после предыдущих забастовок, главным образом, последней. Далее указывалось на то, что рабочие теперь не так сильно нуждаются; это указание основывается на том, во—первых, что привоз в Баку предметов первой необходимости теперь улучшился и можно надеяться на дальнейшее его улучшение и, следовательно, на сносные цены, а во-вторых, на том, что в последнее время замечается даже усиление потока сбережений со стороны рабочего класса в сберегательные кассы. Независимо от всего этого, все присутствующие... заявили, что дальнейшее увеличение военных пособий может стать прямо непосильным..., что и правильно—не только в силу вышеуказанных соображений, но и потому, что теперь замечается прибыль свободных рабочих рук, если даже не некоторый их избыток..."

В этом характерном сообщении, так обстоятельно освещающем вопрос с точки зрения хозяев, заключается все: и излюбленное натравливание рабочих друг на друга (по „национальному и профессиональному признаку"), как метод внесения раскола в рабочую среду; и боязнь, чтобы прибавки не приобрели „регулярного характера" (это при дороговизне, возрастающей с „исключительной регулярностью"); и лицемерное заявление, „что теперь рабочие не так сильно нуждаются" (выше в главе второй указывалось уже на ошибки оптимистических оценок продовольственного положения в Баку); и, наконец, обычные жалобы на „непосильность" прибавок. Как памятник тактики нефтепромышленников, этот документ, повторяю, чрезвычайно характерен.

Следующая надбавка военного пособия была предложена 26-го февраля 1916 г. Нефтепромышленникам был разослан „циркуляр" следующего содержания: Частное совещание нефтепромышленников, под председательством А. О. Гукасова „признало желательным с 1-го февраля повысить временное пособие на 50%, т. е. оно должно быть для рабочих холостых—7.50, семейных—15 р.". „Об изложенном Совет С'езда честь имеет сообщить к Вашему сведению, на случай, если Вашей фирме угодно будет присоединиться к изложенному в сем постановлению".

„Категоричность" такого циркуляра, конечно, привела к тому, что многим фирмам стало „неугодно присоединиться"; и в следующей главе о забастовках мы увидим, как мучительно было бакинскому пролетариату добиваться реализации постановления 26-го февраля. Происходившие на этой почве забастовки настолько беспокоили полицейские власти, что 16-го марта Балахано-Сабунчинский полицмейстер, донеся об их ходе, настойчиво просит Врем. Ген.-Губернатора оказать давление на нефтепромышленников для строгого выполнения постановления Совета.

Возникшее, вследствие прошения рабочих „Молота", в конце марта обследование фабричной инспектуры собрало следующие сведения: сред-

ний заработок мастера—101 р. 50 к. в месяц. Средний заработок рабочего—54 р. 80 коп. Вместе с тем, фирма пред'явила чрезвычайно интересные выписки из книг личных счетов, которые позволяют установить степень и распространенность прибавок. К сожалению, по многим фамилиям рабочих нет полных сведений; но 22 личных счета, по которым сведения достаточны, дают полную картину прибавок к концу второго года войны. Из всего количества рабочих не получили вовсе прибавок, по сравнению с январем 1915 года—50%. Прибавку до 10% получили 32%. Что касается прибавок более 10%, то 10—20% получили 4,5%; и группах 20—30, 30—50 и свыше 50% тоже по 4,5% обследуемых рабочих *).

В одном из ходатайств об увеличении заработной платы от начала мая (механиков судов общества „Кавказ и Меркурий") речь идет о повышении цен на 300%, заработной платы „у нас" на 15%, а у других фирм на 60%. Здесь, конечно, преувеличены первая и последняя цифры, но самая постановка вопроса чрезвычайно характерна**).

Своеобразное положение создалось в фирмах подрядного бурения. Работы выполнялись по договорам, часто заключенным очень давно; между тем, рабочие буровых фирм, находясь в гораздо более тяжелых условиях, чем рабочие фирм нефтедобывания, настойчиво добивались распространения и на них норм „советских" военных пособий. Фирмы подрядного бурения возбудили вопрос о переложении прибавок рабочим на своих контр-агентов. 22-го и 27-го марта состоялись совместные заседания нефтепромышленников и представителей буровых фирм, при участии правительственных чиновников, в результате чего фирмы по нефтедобыванию вынуждены были пойти на частичный пересмотр договора в смысле повышения оплаты работ по бурению; однако, и после этого все дальнейшие прибавки проходили в фирмах подрядного бурения с большими трениями и запозданиями, чем в крупных нефтепромышленных фирмах***).

17-го июня группа крупных фирм, в виду резкого недовольства рабочих, заметного роста дороговизны и ряда забастовок, решает произвести прибавку. За подписью Пред. Сов. С'езда А. О. Гукасова, нефтяным фирмам снова рассылаются письма.

---

*) Материалы ст. Фабр. Инспектора в Деле Бак. Градоначальства, № 56 (Нумерация архива Музея Революции).

**) Интересно привести нормы зарплаты, выработанные 25 апреля совещанием владельцев типографий г. Баку. Вот ставки наборщиков:

	до войны	вводимые теперь
I категория	50 р.	70—80 р.
II „	40 р.	50—60 р.
III „	26 р.	30—40 р.
Подручные	12—25 р.	16—25 р.

***) Фирмы подрядного бурения продолжали испытывать затруднения при выполнении старых договоров. Уже упоминалось, что в начале 1917 г. они снова возбуждают вопрос о переоценке и об огульном повышении их стоимости на 40%.

«Частное совещание нефтепромышленников, бывшее 17-го июня с. г., признало желательным повышение с 1-го июня с. г. временных пособий, выдаваемых ныне рабочим, согласно постановления частного совещания нефтепромышленников от 26-го января с. г., а именно: совещание высказалось за увеличение ныне выдаваемых пособий на 3 р. 50 к. в месяц... Об изложенном Совет С'ездов честь имеет сообщить на Ваше благоусмотрение...» *).

Однако, повторялась старая сказка про белого бычка. Фирмы раскачивались на прибавки крайне туго. Происходившие на этой почве забастовки не мало беспокоили местные власти; и не только местные бакинские. Вот что пишет 3-го августа канцелярия наместника на Кавказе Бак. Врем. Воен. Губернатору:

«Князь Орлов** (поручил Канцелярии просить Ваше Превосходительство, по возможности, воздействовать на владельцев промышленных предприятий, не принимавших участие в означенном выше решении, путем созыва особого совещания этих промышленников, с участием чинов фабричной инспекции и горного надзора и раз'яснения им желательности повышения врем. военных пособий на 3 р. 50 к. рабочим, служащим у них в предприятиях, во избежание возможных осложнений и возникновения брожения и недовольства среди рабочих***).

Пред'явленные в сентябре Касп. Черн. Т-ву требования (повышения зарплаты на 50 коп. в день и проч., подробнее об этом ниже) побудили фабричную инспектуру произвести обследование зарплаты рабочих в этой крупнейшей фирме. Вот главнейшие выводы старшего фабричного инспектора Д. Шамокина: размеры основного оклада распределяются следующим образом:

До 1,29	получают	1800	рабочих	или	86,44%
„ 1,30	„	125	„	„	6,13%
„ 1,70—2,10	„	45	„	„	2,2%
„ 2,10—2,50	„	65	„	„	3,2%
„ 2,50—2,90	„	28	„	„	1,4%
„ 2,90—3,30	„	9	„	„	0,5%
„ 3,30 и больше	„	3	„	„	0,2%

Кроме этого, все получают временное военное пособие в размере 11 руб. холостые и 18 р. 50 к. — семейные. Мастеровые получают квартирные в размере 13 р. в месяц + 12 р. квартирного довольствия. Тартальщики либо живут в казармах, либо получают 6 руб. квартирных денег.

В сентябре 14 крупнейших фирм, в виду роста дороговизны, пришли к необходимости снова ввести прибавку. На этот раз прибавки делались не к военному пособию, а к основному окладу. Наиболее высокие нормы прибавок были предложены 26-го августа правлением бр. Нобель. Вот что телеграфировали по этому поводу правлению из Баку:

*) Дело канц. наместника № 1669.

**) Помощник наместника на Кавказе по гражданской части.

***) Дело канц. наместника № 1669.

„Сегодня Гукасова состоялось совещание промышленников обсуждения рабочего вопроса тчк Все высказались меньшие прибавки выражая надежду что Бранобель также уменьшит тчк... Указывали также что раньше промышленники действовали солидарно соблюдая одинаковые нормы заработка, если теперь Бранобель будет действовать отдельно никаких норм не будет почему промышленники начнут перенимать рабочих друг друга путем увеличения заработной платы тчк“ *).

Такая постановка вопроса показывает на дальнейший рост консолидации промышленников. Однако, голос классовой солидарности, повидимому, заглушался у бр. Нобель голосом известного благоразумия и в тот же день Петроградское Правление сообщает, что:

„... останавливаемся ставках моей телеграммы 26-го... переговорите Гукасовым случае несогласия идем самостоятельно......“ **).

Нормы же, сообщенные 26-го, выражались в следующем: получающие поденно до 1.29 к. в день получают прибавку в 30 коп., получающие 1.30—1.69—35 к.; 1.70—2.09—40 коп ; 2.10—2.49—45 коп.; 2.50—2.89—50 коп.; 2.90—3.29—55 коп.; свыше 3.30 получают 60 коп.

Остальные, в том числе крупные фирмы, ограничились даже меньшими прибавками. Принимая за основу приведенную только что шкалу Нобелевских прибавок, они обычно во всех разрядах ее сокращали на 5 или 10 копеек. Старший фабричный инспектор Д. Шамокин 4-го октября, сообщая в Отдел Промышленности о совещании, отмечает, что из всех участвовавших в совещании фирм, только одно Касп. Черн. Т-во приняло шкалу прибавок Нобеля. В других фирмах, даже понижение нормы прибавок отвоевывали забастовками и, конечно, с максимальным запозданием***).

Сознавая быструю устареваемость прибавок, фирмы с легкой руки Нобеля в своих об‘явлениях о прибавках неизменно прибавляют:

„При этом приняты во внимание не только существующие в настоящее время цены, но и вероятное повышение их в будущем“.

Рост дороговизны, однако, был настолько быстрым, а сделанные прибавки настолько назначительными, что к декабрю наростает необходимость в дальнейших прибавках. Рабочие ряда фирм (и притом теперь, гл. обр., крупнейших) пред‘являют одни за другими требования обычно согласованные между собой, что является главнейшим показателем роста консолидированности рабочего класса. Но и на другой стороне происходил тот же процесс, причем он сопровождался и ростом огосударствления промышленности, большим вмешательством государства в дела частных фирм (20). Тенденция к коллективности ответа на декабрьские требования рабочих ясно видна, например, в следующем сообщении Бак. градоначальника канцелярии наместника от 21-го декабря:

„18-го числа сего м-ца забастовали рабочие нефтяных промыслов Бенкендорфа, пред‘явив экономические требования об увеличе-

*) Архив Нобеля, дело № 12, телеграмма от 2-го сентября.
**) Там-же.
***) Так, даже такая солидная фирма, как Манташев, дошла до Нобелевских норм только 1-го января 1917 года.

нии существующего военного пособия, квартирного довольствия и пр. одновременно, не прекращая работ, пред'явили аналогичные требования рабочие Акц. О-ва «Электрическая сила» и нефтяных промыслов Нобеля, Мирзоева, Бнито и Питоева, дав фирмам различные сроки от одного до восьми суток для ответа. Требования сводятся к увеличению военного пособия и др. видов довольствия в пределах от 10 до 400%. В виду создавшегося положения, мною 20-го сего декабря было созвано совещание из представителей всех главных нефтепромышленных фирм, вырабатывающих 90% нефтяных продуктов, добываемых во всем нефтяном районе города Баку. Рассмотрев пред'явленные рабочими требования и всесторонне обсудив настоящий вопрос, совещание признало: I) Необходимость увеличения пособия рабочим в виду того, что после последней прибавки жизнь значительно удорожилась. II) Желательно, чтобы фирмы решали все подобные возникающие вопросы солидарно и совершенно однообразными мероприятиями. III) Просить указаний от находящихся в Петрограде главных Правлений нефтепромышленных фирм, доводя телеграфно до их сведения заключение совещания о необходимости прибавки и прося разрешения о том, чтобы выработка новых норм пособий была предоставлена коллективному совещанию Бакинских нефтепромышленных фирм и IV) вопрос об удовлетворении требований рабочих оставить открытым впредь до получения указаний из Петрограда, приняв все зависящие меры к недопущению забастовки"....*).

Упомянутые запросы правлениям отправляются в виде общей правительственной телеграммы в 12 адресов**) и за подписями не только представителей фирм, но и Бакинского градоначальника Г. С. Ковалева***).

Подведем некоторые итоги. Попробуем сначала установить «идеальную» таблицу прибавок, т. е. такую схему прибавок, которая имела бы место, если бы нормы Совета С'езда и крупнейших фирм выполнялись немедленно всеми промышленниками. Мы возьмем 4 типичных случая рабочего холостого, рабочего семейного, мастера холостого, мастера семейного. За основу примем Нобелевский оклад (т. е. оклад сравнительно высокий):

	Рабочий холостой	Рабочий семейн.	Мастер холост.	Мастер семейн.
Накануне войны	ок. 27	ок. 27	ок. 50	ок. 50
Апрель 1915 г.	27+ 3	27+ 6	50+ 8	50+ 6
Август сентябрь 1915 г.	27+ 5	27+10	50+ 5	50+10
Февраль 1916 г.	27+ 7,5	27+15	50+ 7,5	50+15
Июнь 1916 г.	27+11	27+18,5	50+11	50+18,5
Сентябрь-октябрь 1916 г.	36+11	36+18,5	75+11	75+18,5
Январь 1917 г.	36+20	36+32	75+20	75+32

*) Дело канц. наместн., № 16[illegible]9.

**) Бранобель, Каспийское, ВНИТО, Брамирза, Рустонефть, Нефтопид, Нетомад БНО, Шибоhь, Москвато. Электросила.

***) Нобель. Паронипан, Уманцев, Князев, Маркаров, Меликов, Тер-Крикорьян, Ландау, Цитохцев, Манчо, Скуман, Ковалев.

Итак, можно считать, что к началу 1917 г. «идеальная» заработная плата в среднем немногим более, чем удвоилась (у семейных рабочих и мастеров получаем ориентировочные цифры в 251% и 213%, у холостых соответственные 203,7 и 190%). Было ли такое удвоение достаточным с точки зрения роста цен на предметы первой необходимости?

Выводы I частиэтой главы, диаграммы, приведенные на стр.30, 31, 32, заставляют категорически с этим согласиться. Мы видели, что, за исключением хлеба (твердая такса на который составляла 200% его довоенной цены), все продукты вздорожали к этому моменту в 4—5 раз. Летом 1916 года, когда индекс был приблизительно равен 2, заработная плата («идеальная») составляла по нашей ориентировочной таблице для семейных рабочих и мастеров 168,8$^1/_4$ и 137%, для холостых—140,7% и 122,1%. Как видно из всего этого, наблюдается постоянное и заметное отставание зарплаты от дороговизны, или—что одно и тоже—систематическое понижение реальной заработной платы.

Все приведенные рассчеты ориентируются на «идеальную» шкалу прибавок; но в действительности, дело обстояло еще значительно хуже. В какой степени применялись «идеальные» („советские“) нормы военного пособия и нобелевские надбавки к основному окладу, в какой степени они теряли значение, благодаря запаздыванию их введения? Ответить на этот вопрос точно не представляется возможным. Но следующая глава покажет, насколько распространенными были эти трения, каких громадных усилий стоило рабочим реализовать постановление Совета С'езда, сколько стачек проигрывалось по этому поводу и как значительны были запаздывания с прибавками. Фактически, трудно назвать хотя бы одну фирму, кроме Нобеля, которая была бы аккуратна с введением „советских“ прибавок и которая бы не имела бы на этой почве вовсе конфликтов. Действительное отставание заработной платы от дороговизны было на много больше, чем можно заключить из схемы прибавок Совета С'ездов и Нобеля. В своем докладе Центральному Военно-Промышленному Комитету А. О. Гукасов, всячески подчеркивая уступки предпринимателей, определяет размеры прибавок все же только в 70% (21), признавая тут же их недостаточность по сравнению с ростом дороговизны. Можно принять, что цифра это близка к действительному положению вещей, хотя докладчик и стремился его несколько приукрасить. Во всяком случае, заметное сокращение реальной зарплаты перед нами налицо и это не могло не явиться новым толчком для возобновления бакинского рабочего движения. Стачечные волны должны были возникнуть и наростать, хотя бы и помимо всякого руководства—чисто автоматически.

ГЛАВА IV.

Заработная плата и забастовки.

Мы установили, что между кривой движения цен на продукты потребления и ростом заработной платы Бакинских нефтерабочих замечалось определенное расхождение, создавались своего рода «ножницы»

в направлении понижения покупательной силы средней заработной платы. Однако, и то повышение номинальной цены рабочей силы, которое наблюдается за эти годы, дается пролетариату недаром. Изучая взаимоотношения труда капитала за годы войны, необходимо отметить что все те прибавки, которые получали рабочие, давались в результате либо забастовок, либо под влиянием ультиматумов с угрозой бастовать. Рост цен на жизненные припасы, настойчивое давление рабочего класса, повышение номинальной зарплаты—таков был механизм данамики рабочего вопроса за рассматриваемый период. Непрерывное давление на промышленников, при всей недостаточности его результатов, стоил рабочим не дешево. Не говоря уже об арестах, репрессиях, «черных списках» по отношению к главарям *) и иных моментах преследования, забастовки чувствительно понижали заработки рабочих, т. к. забастовочные дни обычно не оплачивались. Вопрос об оплате забастовочных дней в имеющихся материалах почти не освещен (22), но такая оплата не входила в «традиции» Бакинских отношений труда и капитала.

Некоторый материал по этому вопросу приводит А. Попов в своем исследовании всеобщей забастовки 1914 г. «Имею честь доложить—пишет, например, старший фабричный инспектор — что с 1909 г. случаев уплаты за дни забастовок в явной форме не было».

«По полученным мною агентурным сведениям, среди рабочих Бакинского нефтепромышленного района возникает решение в связи с непомерным вздорожанием цен на жизненные продукты, пред'явить категорические требования на увеличение заработной платы, а в случае неудовлетворения таковых—бастовать. В фирме Нобеля рабочие пришли уже к заключению пред'явить требования об увеличении заработной платы от 25 до 30%. Вопросы о предполагаемом забастовочном движении планомерного руководства не имеют и поднимаются сами по себе рабочими при всяком удобном случае. Так называемые «интеллигентные» силы рабочих участия в решении этих вопросов не принимают, боясь репрессий по военному времени — так характеризует начальник Бакинского губ. жандармского управления полковник Леонтьев положение в сентябре 1914 г. **). Отнюдь не умаляя роли „интеллигентных“ (партийных) сил, необходимо в основном с этой характеристикой согласиться, действительно, механизм забастовочного движения всецело был основан на экономической платформе, на «стихийном протесте брюха» и стачки охватывали, подчас, самые мелкие заведения, где вряд ли можно было ожидать встретить влияние организованной агитации. Не менее характерно —чисто экономическое содержание всех пред'являемых требований (особняком стоит только одна забастовка 1916 г. политического характера у Бенкендорфа), политический элемент в которых не выходит за пределы протеста против правительственной организации продовольственного дела. Наконец, «верноподданический тон» некоторых письменных

*) Сохранились, например, многочисленные „списки лиц, коих нежелательно принимать на работу“, в делах фирмы бр. Нобель.

**) Дело канц. Бакинск. градоначальника № 1775.

требований рабочих, явно исключает возможность какого бы то ни было партийного руководства. Приступая к изложению фактического хода забастовочного движения, нужно оговорить, что предлагаемый беглый очерк будет далеко не полон. Главным образом это происходит вследствие того, что даже наиболее полный материал (Арх. Бак. градоначальника) имеет пропуски в несколько месяцев, отчасти вследствие того, что сами правительственные учреждения иногда не были осведомлены о той или иной забастовке. Обязательное постановление наместника от 21 августа 1914 г. о непременном извещении полицейских властей о каждой начинавшейся забастовке выполнялось не всегда. Об этом свидетельствует, напр., отношение канц. наместника от 28 октября 1915 г., которое „ставит на вид" Бакинскому градоначальству, что в его донесении за август не отмечена 10-ти дневная забастовка, на судах („Посейдон", „Дагестан" и „Коккум") Восточного Общества Каспийского Торгового Флота, а также ряд протоколов об оштрафовании предпринимателей, не сообщивших своевременно о возникавших у них конфликтах. Еще больше, вероятно, „утечка" в статистике требований, имевших мирный исход. Отчасти эти пробелы можно пополнить, привлекая материалы самих фирм; однако, до полного перечня еще очень далеко. Для поставленной цели, а именно: проследить этапы борьбы пролетариата за реальную зарплату—имеющегося материала, тем не менее, вполне достаточно.

Полный разгром всеобщей забастовки 1914 г., совпавший с началом войны и закончившийся августовскими арестами бывших членов забастовочного комитета, привел к некоторому затишью рабочего движения. Патриотические нотки в манифестаций при мобилизации в Балаханах указывают на перелом в противоправительственных настроениях рабочих. „Мобилизация проходит спокойно. Завтра начнется призыв ратников. В Бакинском районе на всех промыслах и заводах приступлено к работам. В Балаханском работы идут нормально. Беспорядков нигде не было. Забастовку нужно считать окончательно ликвидированной" — телеграфирует 27-го июля Бакинский градоначальник „усмирителю" ген.-м. Джунковскому *).

Влияние „нового" фактора голода и роста цен на жизненные припасы—начинает сказываться—уже в 1915 г.

Первые робкие забастовки в январе 1915 г. показывали, что рабочие еще далеко не осознали значения этого нового фактора. Забастовка в Балахано-Сабунчинском Нефтепромышленном Товариществе (45 рабочих, из них бастует 21) произошла из-за невыплаты наградных рабочим, прослужившим менее 6-ти месяцев. У О-ва „Кавказ" 20-го января, при выплате жалования возникает конфликт, причем рабочие требуют немедленной выдачи наградных за 2-ю половину 1914 г. и отказываются получить жалование, грозя забастовкой; только 31-го января, получив заверение Правления, что наградные будут выплачены, рабочие согласились взять деньги. В начале февраля у фирмы „Меликов и Мах-

---

*) Дело канцел. Бакинск. градоначальника, № 47. Цитируется по А. Попову стр. 114—115.

муров“ возникает конфликт того же содержания. Наконец, 2-го марта 60 рабочих Авакова взяли расчет после отказа в выплате наградных за 1914 г. (27 человек, из них 12-го марта вновь были приняты на старых условиях, как мы видим, у рабочих как будто живет убеждение, что все их затруднения исчезли бы, если бы они во время или даже может быть немножко вперед получили наградные, что нужно только ускорить эту получку—и они перебьются. Нет еще достаточного осознания хронически наростающей дороговизны.

В следующем „забастовочном квартале“ (апрель—июнь) забастовки носят, повидимому, случайный характер. Поводами были: при апрельской (8—11) забастовка на промыслах Д. Митрофанова—„Мотовилиха“ задержка в уплате февральского жалования (23) в апреле-же конфликт у Питоева (50 человек из 150) из-за оплаты второго дня пасхи (требования рабочих были удовлетворены); наконец, в июне 165 человек рабочих фирмы «Отто Ленц» бастуют—вследствие неуплаты им жалования, происшедшей по причине продажи предприятия. Как видим, все забастовки не были прямо связаны с войной, дороговизной и др. специфическими условиями. Сделанные кое где прибавки казались вполне достаточными; там же, где рабочие их не получили, они стремятся выправить отклонения данной фирмы от общей линии нефтепромышленников — таковой попыткой является, например, прошение 100 раб. фирмы Мухтарова (6-го мая) с ходатайством сделать им прибавку (10%) «по примеру нефтепромышленных фирм».

Однако, уже следующие месяцы приносят ряд забастовок, формально —наступательных, но в действительности—оборонительных, продиктованных ростом цен на жизненные припасы. Такова забастовка 13-го июля на кирпичном заводе «Атлас» с требованием повышения поденной платы с 90 коп. до 1 руб. (проиграна рабочими); такова, уже нами упомянутая, забастовка на судах Восточного О-ва Касп. Торг. Флота, закончившаяся прибавкой 3-х руб. в месяц: таковы сентябрьские требования рабочих „Каспийского Машиностроительного завода“ („в виду дороговизны жизни и уменьшения за последнее время заработка, предъявили управляющему заводом требования о повышении расценок на литье, а именно о повышении таковых с 25 коп. на 35 коп. за пуд“, читаем в делах старш. фабр. инспектора), окончившаяся неопределенными обещаниями администрации и фабр. инспектора; такова, наконец, первая крупная забастовка в Баку за время войны — восьмидневная борьба (31 августа—8 сентября) на текстильной фабрике Тагиева (ныне „Ленинской“). Здесь рабочие выставили ряд продуманных требований, из которых главнейшими были:

1. Увеличение сдельной платы с 20-ти до 30 коп. за кусок бязи.

2. Сокращение рабочего дня с 11 до 10 часов.

3. Квартира, за которую раньше вычитался 1 руб., должна быть бесплатной.

4. Устройство больницы и некоторые др. мелкие требования.

Не имея возможности останавливаться на перепитиях этой забастовки, отметим только, что она закончилась частичной победой рабочих.

Рабочий день был сокращен на час (рабочая неделя была установлена в 61 час), причем сдельщики получили 6% повышение расценок.

Наряду с требованиями повышения заработной платы, мы продолжали встречать у рабочих иллюзию, что своевременная выплата наградных (которые обычно выплачивались чуть ли не с годовым опозданием) позволит им «выкрутиться»; впрочем, забастовок такого, «торопящего» промышленников, типа, наблюдается все меньше.

В июле можно указать одну забастовку такого рода — уже упоминавшейся нами фирмы „Мелик и Махмуров“ с требованием о немедленной выплате наградных за 1-е полугодие 1915 года. После неудачных попыток расколоть рабочих на „старослужащих“ и новых, фирма вынуждена была уступить...

7-го октября (24) рабочие и служащие конки подают прошение о прибавке. Прошение это вызывает оживленную переписку между властями, ибо „по полученным сведениям . . . предполагают, в случае отказа 15-го октября прекратить работы и потребовать выдачи им рассчета“, как доносит полицмейстер. Вопрос об обслуживании конки командами городовых, в случае забастовки, серьезно муссируется. Однако, б. Гор. Управа нашла необходимым разрядить атмосферу, дав (в декабре) прибавку, получающим до 50-ти руб.—15%, получающим свыше 50 руб.—10%.

В ноябре и октябре зарегистрирован ряд забастовок и конфликтов в мелких нефтяных предприятиях *) (типографии, портняжные предприятия), которые, повидимому, в росте заработной платы отстали от „кривой дороговизны“ значительно больше, чем крупные нефтепромышленные фирмы. Что касается последних, то в ноябре замечается легкое брожение у рабочих механических мастерских бр. Нобель, которое, пока что, выражается только в настоянии на применении к семьям 2-х мобилизованных новых рабочих, норм обеспечения, установленных для старослужащих (4-го ноября) и в неразрешенном собрании, содержание которого осталось неизвестным полицейским органам (24-го ноября).

Декабрь 1915 г. и январь 1916 г. проходят совсем тихо; по крайней мере з а р е г и с т р и р о в а н н ы х забастовок за эти месяцы не было. В конце января 1916 г., впрочем, отмечена небольшая забастовка у фирмы „Анаид“ (32 чел.), где рабочие требовали обычных „советских“ военных пособий (5 р. холостым и 10 р. семейным). Забастовка успешно закончилась 1-го февраля (началась 28-го января).

Однако, при непрерывном под‘еме цен и растущих продовольственных затруднений, затишье не могло быть продолжительным. Уже в половине февраля замечаем новое оживление забастовочного движения. 16—20-го февраля бастовали 1100 рабочих Каспийско-Черноморского Нефтепромышленного О-ва, требуя прибавки в 30% („огульной“) и немедленной выдачи наградных в размере двухмесячного жалованья. Власти принимают „устрашающие“ меры, вроде переписки персидско-подданых ба-

*) Из 4-х забастовок этого рода (октябрь—ноябрь) рабочие выиграли только одну.

ствующих рабочих на предмет высылки их, как безработных, на родину, составление списков военно-обязанных и т. д.

Большую роль в ликвидации забастовки сыграло, по донесению нобелевского управляющего Гедмана правлению Т-ва бр. Нобель в Петроград (25), приступление к найму новых рабочих. Забастовка формально была проиграна, но фирма увидела себя вынужденной самой ввести повышение военного пособия для холостых с пяти руб. до 7 р. 50 к., для семейных с 10 до 15-ти руб.

1-го февраля была полудневная забастовка 110 рабочих (из 300 чел.) у Риделя (подрядное бурение), давшая рабочим рублевую прибавку. 27-го февраля удовлетворяется требование 331 рабочего Каспийского Машиностроительного Т-ва о повышении сдельных расценок.

Борьба за повышение военного пособия продолжается и в марте. Отмечаем главнейшие забастовки: 5-го—6 го марта бастуют 157 рабочих Биеринга, „требуя прибавки жалования в виду дороговизны жизни . . . Никакого повышенного настроения или выступлений со стороны рабочих не наблюдалось“—характеризует забастовку и. т. д. Балахано-Сабунчинского полицмейстера. Прямого успеха забастовка не имела. 5-го марта 418 рабочих фирмы Робур пред‘являют требования, из которых главные: довести пособия для холостых 5 руб., для семейных—10 руб, прибавка жалования не менее 10%, урегулирование вопроса с баней, улучшение в казармах, пользование больницами Совета С‘езда. Ответ на эти требования последовал только к апрелю: рабочие получили пособия в 6 р. (для семейных мастеровых) и в 3 руб. (холостые мастеровые и неквалифицированные, независимо от семейного положения). Как видим, введение пособий фирмами чрезвычайно затягивалось и нормы, принятые в более „передовых“ фирмах еще в августе 1915 г., вводятся в других только в апреле 1916 г. Примерами таких запоздалых прибавок является также введение 3-х и 6-ти руб. пособий у фирмы подрядного бурения „Колобова и Урбановича“ (забастовка формально закончилась возобновлением работ на прежних условиях, т. е. вообще без всякого пособия и фирма только через 4 дня 24-го марта „сама“ ввела его). Такова была забастовка в начале апреля у Арало-Каспийского О-ва (185 ч.), в результате которой рабочие получили пособия—холостые 3 р. и семейные 5 руб., хотя добивались—7 р. 50 к. и 15 руб. Еще в апреле некоторые фирмы только „с боями“ соглашаются ввести начальное, давно устаревшее пособие в 3 и 6 руб. У фирмы „Джадит“ (92 рабочих) это пособие было дано по настоянию фабричного директора только 19-го апреля, после угрозы забастовки; у „Отто Ленц“ (100 рабочих) пособие дали тож е только 20-го апреля (хотя рабочие выдвинули требование в это время о более соответствующей норме пособия в 7 р. 50 к., как минимум). В других фирмах, наоборот, уже в марте рабочим удавалось подтянуть свое пособие к ставкам крупных фирм; такова забастовка 68 рабочих на промыслах Мурахано-Куринского Акц. О-ва (12-го и 13-го марта), закончившаяся полной победой рабочих; таковы уступки хозяев по вопросу о пособии у „Меликова и Махмурова“ (забастовка продолжалась всего около 2-х

часов), у фирмы „Казбек" (78 раб.) и Российского Нефтепромышленного О-ва (115 раб.), где требования рабочих были удовлетворены без забастовки; удовлетворение получили (размеры прибавок в делах не значатся) и команды сухогрузных пароходов Восточного О-ва Касп. Торг. Флота (142 чел.) 20—22 марта. К списку удовлетворенных требований за март, следует прибавить также „Мех. Завод Эйзеншмидт и Комп." (150 чел.) и фирму подрядного бурения „Мухтаров" (пособие увеличено вдвое, т. е. семейные мастера получают 12 р. вместо 6 руб., а холостые и рабочие, независимо от их семейного положения—6 руб. вместо 3 руб.).

Сравнительно затяжной характер (с 18—27 марта) носила забастовка на „Молоте" (до 600 раб.), вызвавшая пристальное внимание властей. Забастовка была проиграна и предприниматели ограничились дачей 3-х и 6 руб. пособия. Отчаявшись в успехе забастовки, рабочие обратились 25 марта с прошением к полицейским властям с просьбой посодействовать распространению обычных пособий Совета С'езда и на них. Вопрос этот, действительно, становился крайне острым. Если даже крупные, наиболее богатые фирмы, в своих пособиях несколько отставали от роста дороговизны, то фирмы, прибавлявшие пособия последним, несомненно, самым определенным образом наталкивали своих рабочих на необходимость решительной забастовочной тактики. Необходимость выравнять фронт нефтепромышленников, становилась все яснее. Известное уже нам постановление Совета С'езда 26 февраля было формулировано таким образом, что в сущности ни к чему не обязывало фирмы (26). Уже 16-го марта Балахано-Сабунчинский полицмейстер доносит Врем. ген.-губернатору о возникающих на почве применения постановления 26-го февраля трениях и просит „нажать" на неподчиняющиеся фирмы. 20-го марта вопрос ставится уже резче: „при этом докладываю В. Пр-ву, что если, состоявшееся 26 минувшего февраля, соглашение нефтепромышленников о выдаче временного пособия рабочим по случаю войны холостым по 7 р. 50 к. в месяц не будут обязательны для всех нефтепромышленных фирм, то забастовка рабочих может распространиться на добрую половину промысловой площади" *).

„Такое постановление (26-го февраля В. П.), к которому присоединились только крупные нефтепромышленники, естественно, вызвало среди рабочих, на которых предпринимателями не была распространена указанная выше прибавка, брожение и ныне, почти ежедневно наблюдаются случаи пред'явления со стороны рабочих требований и в случае неудовлетворения этих требований рабочие заявляют о расчете. В настоящее время такие требования пред'явлены на заводе Меликова и Махмурова—32 рабочими и на заводе Т-ва Механических и Чуг.-Литейных заводов и подрядного бурения „Молот" 550 рабочими—сообщает 21-го марта и. д. градоначальника Г. С. Ковалев директору канцелярии наместника. 22-го марта экстренно созывается совещание нефтепромышленников, на котором власти убедительно доказывают необходимость совместных высту-

---

*) Дела Балахано-Сабунчинского полицмейстера.

плений. 23-го марта создавшееся тревожное положение обеспокоило и Тифлис (27).

Главное затруднение заключалось в присоединении фирм подрядного бурения. Работая по ранее заключенным договорам, эти фирмы действительно имели меньше возможности дать военное пособие, чем фирмы по нефтедобыче. Между последними и бурильщиками начался форменный торг, в результате которого буровые фирмы получили некоторые льготы при выполнении старых договоров, обязавшись, вместе с тем, ввести военное пособие. Как мы уже видели, это решение (24-го марта) дало рабочим буровых партий все же крайне недостаточные прибавки.

Старший фабричный инспектор следующими строками характеризует эту недостаточность для рассматриваемого периода.

„Заработок рабочих в настоящее время, по сравнению с таковым до войны, увеличен лишь на 2 руб. военного пособия, как и у всех подрядчиков по бурению; заработок рабочих, вне сомнения, находится в несоответствии с вздорожанием предметов первой необходимости“ . . . .

Вместе с тем, говоря о содержании и причинах мартовской—апрельской волны забастовок (борьба за „советское пособие“) нельзя не отметить одного обстоятельства—растущей активности мусульманской части рабочих и особенно персидско-подданных.

„Здесь нельзя не отметить: февральскую забастовку у Касп.-Черн. О-ва открыто участвовали в забастовке рабочие исключительно мусульмане (татары местн. и казанские и персидско-подданные), а в забастовке Биби-Эйбатского отд. Акц. О-ва Биеринга мусульмане лезгины активно стремились поддержать забастовку“ (Ст. фабр. инсп., март 1916 г.).

Явление это, намечавшееся еще и раньше (например в сентябрьской 1915 г. забастовке у Тагиева, персидско-подданные рабочие играли руководящую роль), в 1916 г. становится таким разительным, что полицейские власти регулярно начинают отмечать в своих донесениях о забастовках: „бастуют столько то, из них мусульман столько-то“. Неправильный, сам по себе, термин „мусульмане“, скрывал под собой, главным образом, рабочих персов, что, в отдельных случаях, отмечается. Вместе с тем, несомненно, что „отчаянные“ настроения рабочих-персов легче могли переброситься на массу рабочих лезгин, тюрок, казанских татар и т. д., чем на русских и даже армянских рабочих, с которыми мусульмане имели меньше культурной общности. Чем же надо об‘яснить сугубо-забастовочные настроения рабочих персов? Ответ на этот вопрос дает сам А. О. Гукасов, председатель Совета С‘езда в своей речи на заседании Центр. Воен. Пром. Комитета:

„Персидско-подданные неохотно идут, т. к. благодаря разнице в валюте, они при переводе русских денег на свои, выгоднее зарабатывают у себя дома. Цена крана (пер-

сидск. монета около 20 коп.) значительно повысилась. Они боятся условий военного времени".....*).

Действительно, в обстановке падающей валюты для рабочих персов условия труда становились особенно невыгодными. Общая обстановка нарастающей разрухи, продовольственных затруднений и так далее, не могли способствовать заинтересованности их в сохранении работы в Баку. Поэтому, недовольство и протесты раздаются особенно сильно из рядов персидско-подданных рабочих, делающихся наиболее неспокойным элементом в районе**).

Забастовочная волна, начавшись в марте, в апреле захватывает и мелкие предприятия города. Не останавливаясь подробно на этих забастовках, отметим только многочисленные случаи конфликтов в типографиях, на мельницах, в магазинах, ресторанах (характерна полная тождественность всех требований, пред'являемых порознь оффициантами отдельных ресторанов). Вместе с тем продолжаются забастовки и в основной отрасли — нефтепромышленности; но здесь намечается резкий перелом в успешности забастовок. Полным поражением кончается забастовка 6-го апреля у бр. Розиновых (подрядное бурение 120 человек мусульман), конфликт у Беппле***) 15-го апреля, забастовки 22-го апреля у Авакова (115 рабочих), 25-го апреля в «О-ве Судовых Механиков и механической и котельной мастерской (16 чел.) и 26-го апреля на промыслах насл. Лазарева (87 рабочих). Неудовлетворены были и требования 313 рабочих фирмы „Кавказ" (прибавка, 4 выходных дня в месяц трехвахтенным рабочим, премия за незатаскивание желонки на шкив тартальщикам, наградные при увольнении, увеличение банных денег****) и 165 рабочих Бамнито (Бак. Машиностроительное, Нефтепромышленное и Торговое О-во), где рабочие требовали прибавки даже меньшей, чем нормы пособия Совета (12 р. мастерам против нормы в 15 р.). На заводах Бамнито, впрочем, рабочие прямого отказа не получили; но прибавка была сделана только в сентябре, когда недостаточность ее бросалась в глаза.

Неудовлетворение требований Тагиевских рабочих (текстиль) приводит 7-го апреля к забастовке. Часть требований была удовлетворена (прибавка в 10 к. в день) и 13 апреля работы восстановились. Однако, эта забастовка, как вообще все конфликты на Тагиевской фабрике, стоит несколько особняком.

За апрель можно отметить также ряд конфликтов на судах обычно заканчивавшихся расчетом недовольных (28).

В мае продолжается та же тенденция.

Большинство требований не удовлетворяется, забастовки проходят безуспешно для рабочих, очевидно средние и мелкие фирмы, после, с боем вырванных у них прибавок, считают, что этим сделаны уже макси-

---

*) „Нефтяное Дело", 1917 г., № 1.

**) В „Введении" мы уже касались сокращения числа рабочих персов.

***) Кое-каких мелких уступок, рабочие Беппле, впрочем, добились.

****) Дали только премию в размере 2 руб. в месяц и увеличение банных денег до 1 р. 20 к. (вместо просимых 2 р. 40 коп.).

мальные уступки („Молот“, „Моск. Кавк. Т-во“; фирма Гасанова, напр., отказала в повышении пособия до 7 р. 50 к., мотивируя это тем, что недавно введены пособия в 3 р. и 6 р., как будто запоздалость введения пособия в 3 р. и 6 р. не зависела от самой фирмы). Успешными для рабочих из всех конфликтов в мае была только забастовка 13-го и 14-го у „Товарищей по бурению“ (40 раб.), где было вырвано пособие в 5 р. холостым и 10 р. семейным и забастовка 33-х типографских рабочих газеты «Баку» 23—25 мая.

Но не успевают еще рабочие своими забастовками и требованиями принудить предпринимателей довести пособие до нормы 26-го февраля 1916 года, как сама норма эта становится вполне устаревшей. В конце марта, после настоятельных требований своих рабочих, крупные и богатые фирмы уже соглашаются на увеличение пособия против норм Совета С‘езда. Нефтепромышленное О-во Манташева с 1-го июня вводит надбавку к выплачивавшимся до сих пор пособиям в размере 3 р. 50 к., так что холостые получают 11 р. (7 р. 50 к. + 3 р. 50 к.), а семейные—18 р. 50 к. (15 + 3 р. 50 к.).

Необходимость бороться за распространение этих новых норм и на остальные фирмы дает новый толчек забастовочному движению в июне—июле.

10-го июня 625 рабочих Каспийского Т-ва отказались получить заработную плату без новых прибавок. Конфликт был улажен к 25-му июня. Аналогичную позицию, и с такими же благоприятными результатами, заняли 17-го и 20-го июня 509 рабочих фирмы Тер-Акопова, пред‘явившие к тому же ряд дополнительных требований, удовлетворенных отчасти. У других фирм удается добиться несколько меньшего — Арало-Каспийское О-во повысило пособие с 5 руб. до 10 руб. для всех и установило выплату наградных два раза в год по 20% (23-го июня*). Вырванная забастовкой 15-го и 17-го июня уступка у бр. Мирзоевых (увольняющийся получает наградные пропорционально прослуженному времени при единственном условии, что он служил не менее 3-х месяцев и др. мелкие бытовые улучшения) побудила 290 рабочих фирмы «Соучастники» добиваться того же; они имели меньший успех—фирма обещала выдавать наградные 2 раза в год, выплачивать их и увольняющимся, но „стаж“ для этого требовался уже не 3, а 6 месяцев. 159 рабочих Российского Нефтепромышленного О-ва пред‘явили 27-го июля требование: 1) повышение пособия, 2) наградные в размере 3-х месячного оклада, 3) повышение жалования получающим до 30 руб. — 30%, получающим 30—50 руб. — 20%, получающим свыше 50 руб.—15%. В начале июля первое из перечисленных требований было удовлетворено (пособия доведены до 11 руб. и 18 р. 50 коп.) в остальном же отказано. Часть рабочих, главным образом, персов—не согласилась и взяла расчет.

---

*) Кроме прошения администрации, рабочие подали прошение и приставу (чрезвычайно верноподданные с подчеркиванием полной легальности и вынужденности своего „бунта“). Такой тон прошений наблюдается за эти годы довольно часто, что подтверждает чисто экономический путь забастовочного движения.

Характерна однодневная забастовка части рабочих (совершенно отсталых) на постройке Шолларского водопровода, требовавших повышения поденной платы с 1.30 до 2 руб.

Можно отметить в июне также безрезультатные требования увеличения пособия на уже нам известном «Молоте», отчасти удовлетворенные требования бытового характера у Бенкендорфа (320 рабочих) и безрезультатную забастовку у бр. Ишхановых (30 рабочих из общего числа—35), с требованием прибавки (29).

Второго июля 127 рабочих насл. Рыльских пред'являют следующие требования: 1) 30% наградных; 2) общая прибавка жалованья на 25%; 3) прибавка на военное пособие 3,50, как и остальные фирмы уже дали, как-то—Нобель и проч.; 4) поступающие новые тартальщики должны получать не 24 руб., а 27 руб., наравне со старослужащими; 5) чтобы не было обсчетов при расплате с рабочими; 6) более справедливая выдача сахара (обратить внимание, чтобы не обижали рабочих) и урегулирование обычных наболевших вопросов рабочих—мыло, квартирный вопрос и т. д. В результате, рабочие получили прибавку пособия в 3.50 и некоторые мелкие улучшения. Работы продолжались.

4—5 июля рабочие фирмы „Меликова и Махмурова“ (47 ч.) добиваются пособия в 3 руб. (!) 15-го июля у Тагиева был конфликт (85 рабочих бастуют 7 часов) все на ту же тему о прибавке, но администрация отделалась обещаниями. 20-го июля, бастуя один день, 150 Сураханских и 100 Биби-Эйбатских рабочих М. Мухтарова (из общего числа 353 и 587), получают прибавку 5 руб. к военному пособию, доводя его, таким образом, до 11 руб. для холостых и 18 руб. для семейных. Обстоятельства забастовки были осложнены тем, что хозяин, М. Мухтаров, сделав словесное обещание о прибавке, дело продал и, таким образом, новому владельцу пришлось выполнять обещание, которого он не давал. 21-го июля рабочие мельницы Ага-Бала-Гулиева, после полудневной забастовки получают 5 рублевую прибавку. Безрезультатной была забастовка 30-го июля—2-го августа в механической мастерской бр. Ишхановых (44 чел.) с требованием прибавки по 30 коп. в день. Если мы вспомним, что в июне рабочие у Ишхановых уже бастовали также безрезультатно, то нам станет ясно тяжелое положение рабочих у мелких и средних фирм*).

В прошлой главе мы видели, что особенно усиленный темп роста цен на жизненные припасы начинается с середины 1916 г. Основное влияние этого роста на материальное положение пролетариата Бакинского нефтепромышленного района, выражавшееся через отставание заработной платы от дороговизны—не могло не проявиться в виде заметного увеличения числа забастовок. В августе наблюдается определенная повышенная активность забастовочного движения. Характерно, что необходимость уступок была настолько очевидной, что предприниматели часто соглашались (конечно, не всегда при этом в размере требуемого) на компромиссные соглашения. Таковы были, например, уступки, сделанные тар-

*) Не останавливаемся на забастовке 22 июня у Бенкендорфа (390 рабочих) из-за нежелательного табельщика.

тальщикам фирмы Амир-Асланова (прибавка 3 руб.)—отметим, кстати, что большинство тартальщиков в этой фирме — персы; таковы уступки, сделанные 9-го августа рабочими «Мотовилиха»; такова, наконец, прибавка, полученная рабочими „Молота" уже не раз нами упоминавшегося*).

В других случаях, рабочие были вынуждены прибегать к забастовкам. В доках бастовали всего лишь один день и получили увеличение военного пособия для семейных с 12 до 15 руб., для холостых с 6 до 9 руб. В мастерской „Кианда" было получено таким же путем 15% прибавки (вместо требуемых 25 — 50%); гораздо более тяжелой была забастовка 240 буровых рабочих у Риделя (с 12 по 21—22 августа), которого сама полиция признала виновником забастовки, т. к. им систематически не выполнялись постановления Совета С'езда. Рабочие были удовлетворены отчасти: вместо просимых 11 рублей военного пособия (до забастовки получали 3 руб.) им было дано 8 руб.

Наконец, в ряде случаев фирмы прибегали к своей излюбленной тактике—оттягиванию ответа до тех пор, пока даже полное удовлетворение требований рабочих не являлось в действительности уже недостаточным при условии катастрофического роста цен. Таковы были ответы на требования или забастовки рабочих акционерного о-ва Биеринга (16-го августа), у Нобеля (общее прошение от почти 4000 рабочих в конце августа—«передано в Петроград на рассмотрение Правления») и у Каспийского Т-ва (974 рабочих ходатайствовавших об ускорении выплаты наградных (30).

Известное своеобразие забастовочным выступлениям за этот период придает то, что часть рабочих является военно-обязанными и не призывается в действующую армию только потому, что фирмы, у которых они служат, считаются работающими на оборону. Уволенный забастовщик автоматически подлежал призыву. Промышленники пользуются такой угрозой рассчитать бастующих, особенно широко начиная применять эту меру во второй половине 1916 г. В документах того времени часто можно встретить циничное выражение: „мобилизованный за забастовку". Во всех сведениях о забастовках, неизменно указывается, сколько в числе бастующих военнообязанных.

Введенные в сентябре Нобелем прибавки дали новое содержание сентябрьским и октябрьским конфликтам. Появился новый «стандарт», к которому стремятся рабочие в ряде требований. Выше (глава III) мы уже останавливались на Нобелевской норме прибавок и проводили соответствующие цифры; сейчас нужно отметить, что с боями, достигавшееся рабочими распространение этих прибавок на менее крупные фирмы, было обычно не полным, а с недоплатой в 5, 10, 15 коп. ко всем нормам оплаты. Только Каспийско-Черноморское О-во ввело Нобелевскую шкалу

---

*) Рабочие требовали: ключникам-старослужащим набавить до 70 руб. Новым до 65 руб. (вместо получаемых 40—55 р.) и квартирные до 25 руб., вместо получаемых 10 руб. Рабочим набавить жалование до 40 руб. (от 25 руб.), а квартирные до 8 руб., вместо 3 руб.; кроме того, обычные требования о мыле, бане и т. д. и о трехсменной вахте. Фирма дала всем прибавку пособия по 5 руб.

прибавок в ответ на пред'явленные 17-го сентября требования от 1616 рабочих (требования заключались в: 1) «Огульной» прибавке всем по 50 к.; 2) уравнении квартирных и доведении их до 15 руб. в месяц; 3) при увольнении платить за каждый прослуженный год — месячный оклад; 4) урегулирование вопросов об уплате за увечья, о бане, прачешных, скорой помощи и т. д.; 5) „Подручным, работающим за мастеров, оплачивать, как мастерам", с переводом на оклад жалованья, как мастерам"). Требования эти вызвали специальные обследования, со стороны фабричной инспекции, с ценными результатами которого мы познакомились уже в главе III.

„Нефть" с первого сентября была вынуждена ввести Нобелевскую шкалу прибавок, но на 5 коп. ниже для всех разрядов. Вместе с тем вводятся следующие нормы квартирных:

	Семейные		Холостые	
	летом	зимой	летом	зимой
Для квалифицир. . . .	20 р.	23 р.	11 р.	11 р.
Для промысл. раб. . .	14 р.	14 р.	7 р.	7 р.

16-го сентября рабочие пред'являют ряд продуманных требований *).

Забастовавшие 7—12 октября рабочие Нижегородского Нефтепромышленного О-ва (290 мусульман из общего числа 350) добиваются нобелевской прибавки без гривенника. Полицмейстер отмечает „упорство подавляющего большинства мусульман".

Требования рабочих „Шибаева и компания" (12 окт.) удовлетворяются 17 окт. нобелевской нормой прибавки (получающие помесячно до 39 руб. получили 9 руб.); однако, надо помнить что эта норма имела к середине октября уже полуторамесячную давность, что не могло не сделать ее явно недостаточной при повышении цен на несколько процентов в месяц.

Рабочие „Русской Нефти", пригрозив забастовкой (15—20 октября), получают ту же нобелевскую прибавку, но без гривенника.

Наряду с успешными забастовками, в ряде случаев имело место упорное сопротивление фирм. Отклонив, пред'явленные ей 29 сент. требования об увеличении прибавки „как у крупных фирм" (причем отклонение по обыкновению было оттянуто до 7 окт.), фирма М. Мухтарова пошла даже на забастовку части рабочих (200 чел., главным образом, персов, из общего числа 450). 4-го октября в небольшой фирме Гальперина хозяин рассчитывает рабочих (45 ч.) своего промысла, забастовавших с требованием прибавки 9 руб. (получали до сих пор 25+11 руб. военного пособия). 27—28 октября также резко была ликвидирована

*) А именно: прибавки в размере: получ. до 1 руб. в день—100%, 1—1 50—60%, 1.50—2 р.—50%; 2—2.50—3—36%; 3 руб. и выше—20%. Кроме того, включения всех форм оплаты в расчетные книжки. При увольнении платить за каждый прослуженный год месячное жалование и наградные, пропорционально прослуженному времени, пособия на детей—учеников и т. д.

без результатов забастовка 48 (из 70-ти) рабочих-мусульман на промыслах наследников Лазарева (требовали прибавки 9 руб.), причем „ликвидация" эта произошла отчасти при помощи ареста наиболее активных забастовщиков. В других фирмах забастовки происходили вследствие того, что хозяева недостаточно шли навстречу требованиям рабочих (Грузинское Т-во с 105 рабочими, где забастовка в октябре возникла на почве требований 30% прибавки, в то время, как хозяева давали 20%; на промыслах „Мотовилиха"—Митрофанова, где рабочие получили удовлетворение только после обращения к градоначальнику); а в некоторых фирмах соглашение достигалось путем ущемления рабочих интересов („Кавказ" дал 28 сент. общую прибавку 30 коп. в день, вместо просимых 30%).

Особняком стоит удачная сентябрьская забастовка на Тагиевской фабрике (бастовало 351 рабочий из 798 раб. ф-ки 1½ дня). В числе требований, кроме прибавок, фигурировало, между прочим, снабжение сахаром.

В ряде случаев, требования рабочих просто были оставлены без ответа (напр. у Насл. Рыльских, где рабочие просили 30% прибавки, у Арало-Каспийского О-ва с 117 рабочими, пред'явившими те же требования, у „Молота", где инструментальные рабочие просили прибавки: получающие до 1 руб.—45%, 1—2 руб.—25%, 2—3 рубля—15%). В ряде мелких фирм, типографий, механических мастерских и т. д. происходили конфликты со смешанным результатом, останавливаться на которых, по недостатку места, мы не имеем возможности.

Характерно, что с легкой руки Нобеля, „Об'явления о прибавках" за этот период неизменно заканчиваются фразой: „При этом приняты во внимание не только существующие цены, но и вероятное повышение в будущем". Такое уверение, конечно, в чрезвычайно слабой степени могло убедить рабочих в его истинности.

Пред'являвшие в октябре требования и не получившие их удовлетворения рабочие Арало-Каспийского О-ва (101 чел.) и насл. Рыльских (108 чел.) в начале ноября бастуют (первые 10—13 ноября, вторые 5—7-го). Первые получили 7-ми руб. прибавку, (требовали они по 30%, что составляло не ниже 8 руб.), а вторые добились полного удовлетворения своих требований—30% прибавки.

Последние месяцы 1916 г. характеризуются тем, что происходит ряд конфликтов в крупных, лучше оплачиваемых фирмах; это, с одной стороны, указывает на недостаточность даже этой более высокой платы, с другой, иллюстрирует рост организационной сплоченности рабочих, ибо согласованные требования от нескольких тысяч рабочих Нобеля, да еще поддерживаемые а н а л о г и ч н ы м и требованиями рабочих других фирм—это уже отдаленные раскаты той грандиозной борьбы за коллективный договор в обще-бакинском масштабе, которая развернулась тотчас после падения п о л и т и ч е с к и х препятствий—с весны 1917 г., а с другой стороны, в этих стройных выступлениях видна школа всеобщей забастовки 1914 года.

Массовые требования того типа, о котором я говорил, были пред'явлены Нобелевскими рабочим *) в первый раз 27-го октября. Они заключались в следующем: 1) выплате наградных за вторую половину 1915 г. (!) в размере $1^1/_2$ мес. оклада и за первую половину 1916 г. в размере 2-х месячного **). Увольняемым платить тоже. 2) Уравнение квартирных денег на уровне, получаемом мастеровыми, оплата праздничных вахт по 5 руб., сахар детям, мыло, прачешные, горячая вода на промыслах. 3) Изменение ставок в буровых партиях. Ответ был получен 29 октября; фирма обещала уплатить наградные за 1915 г. в декабре; материальные требования были все отклонены, что же касается вопросов улучшения быта, то эти требования будут „как и всегда удовлетворяться по мере возможности". Второе об'единенное выступление 3481 рабочих у Нобеля было 20 декабря. На этот раз требовали: 1) Довести пособия до 68 р. 50 коп. семейному и 51 р. холостому. 2) Уравнять квартирные. 3) Наградные за первую половину 1916 г. уплатить не позже 15 января 1917 г. в размере 2-х месячного жалования (этот и предыдущий пункты полностью воспроизводят октябрьские требования). 4) Урегулирование оплаты увечий. Ответ был получен 2 января: пособие с 1 января было доведено до 32 руб. семейному (с 18—50) и до 20 р. одинокому (с 11). Остальные требования были категорически отклонены.

Наряду с намечающейся грандиозной борьбой у Нобеля—в менее крупных фирмах забастовочные конфликты происходят своим порядком; однако, в большой своей части требования, пред'являемые рабочими повторяют в тех или иных вариациях нобелевские требования. 8 декабря 1950 рабочих Каспийско-Черноморского Нефтяного О-ва требуют: 1) Доведения пособий до 100% оклада; 2) прибавки из расчета: получающие 1 р. 35—80%, 1.50—2 р.—55%, 2—2.50—40%, 2.50—3—30%, 3—3.50—20% и 3.50—4—15%. Различные меры к улучшению быта вплоть до организации курсов на русском и мусульманском языках. Требования этого рода указывают на качественный рост забастовочного движения; характерно, что в первые месяцы войны о подобных требованиях не было и речи.

Неудовлетворение требований о доведении пособия до 100% плюс ряд мелких требований приводит 2 декабря у Манташева к забастовке (из 885 чел. бастуют сперва 346, впоследствии присоединяются еще 222 чел.), которая заканчивается 10 декабря удовлетворением одних лишь мелких требований (о мыле и т. д.). Тем не менее 24 дек. Манташев со-

---

*) Две „продовольственные" забастовки в механ. маст. Нобеля (315 чел.).

**) 27 окт. и 17 дек. уже были нами отмечены в гл. II. Здесь и в дальнейшем может казаться, что рабочие пред'являют повышенные требования в смысле размера наградных, но необходимо учесть огромное запаздывание в их выплате и заметное обесценение денег. Оттягиванию выплаты наградных фирмы придавали большое значение „С просьбой о выдаче наградных к пасхе за прошлый год сразу, рабочие повидимому, подходят к тому, чтобы к рождеству просить за текущий год, т. е. получать не за прошлый год, а за настоящий". (Письмо Правлению Бр. Нобель от 16 февр. 1916 г. Нобелевский архив. дело № 22).

ет Бак. градоначальнику, что с 1 янв. дается прибавка 3 руб., приравнивающаяся, таким образом, октябрьскую прибавку к ставкам Нобеля.

14 дек. безрезультатная забастовка „Мотовилихи“ (110 чел.) с требованиями прибавки к жалованию 5 руб. и к пособию 3 р., 7-го декабря 505 рабочих „Питоева“ требуют 100% пособия, установления минимума жалования в 30 руб., выплаты наградных и при увольнении и ряда мелких улучшений. Администрация отделалась обещанием „доложить Правлению“.

18—23 декабря бастуют 835 рабочих Бенкендорфа, требуя 100% пособия и наградных немедленно; забастовка проиграна. 382 рабочих „Кавказ“ требуют: 1) наградных за вторую половину 1916 г. в размере 40% (выплачиваются и при увольнении), 2) для вновь поступающих—те же оклады, что и старослужащим с минимумом 35 руб., 3) сахар, мыло и др. мелкие требования. 30-го декабря ряд аналогичных требований выставляют 1000 рабочих Каспийского Т-ва *); в своем ответе 4-го января фирма в точности воспроизводит ответ Нобеля от 2-го января.

Эта согласованность выступлений нефтепромышленников знаменует собой все то же нарастание предпосылок к борьбе в общебакинском масштабе и подводить организационно к будущим союзам нефтепромышленников, которые играли такую крупную роль после февральской революции в период переговоров о коллективном договоре.

Наконец, в конце января 1917 года мы имеем чрезвычайно серьезную забастовку у Нобеля, проведенную всецело под партийным руководством **).

---

*) 1. Пособие довести до 100% окл. 2) 10% прибавки всем. 3) Кварт. до 23 р. семейным. 4) Нагр. в разм. 30% не позже 15 января. 5) Уплачивать их и при увольн. 6) Новослужащие получают по общим ставкам.

**) „. . . по приезде в Баку я обратился к активным товарищам и мы собрались в количестве 25 чел., в их числе я помню: Варсемашвили, Ртвеладзе, Гарешвяли, Хренова, Фиолетова. Я поделился своими впечатлениями, развивая ту мысль, что поскольку мы стоим на точке зрения пораженчества, мы должны пытаться, путем забастовки лишить правительство топлива. Собравшиеся т. т. находили, что выступать с политическими требованиями в настоящее время невозможно, но т. к. экономическое положение рабочих невыносимо, то можно будет организовать экономическую забастовку. Понимая, что всякая экономическая забастовка, в конечном итоге, является политической, я согласился на это. *Мы выработали требования, организовали делегатские собрания на заводах, начали подготовку забастовки.* Подготовка отняла от 1½—2 мес. и в январе 1917 г. забастовка разразилась. Во время этой забастовки я и некоторые другие т. т., среди которых я вспоминаю Зевина, были арестованы. После этих арестов начались массовые аресты рабочих, которых после посылали на фронт. Тогда бастующие сняли все свои экономические требования и стали требовать освобождения арестованных и возвращения с фронта угнанных туда т. т. Правительство пошло на уступки, многие требования были удовлетворены и всех посланных на фронт вернули...“ (Г. Стуруа „Моя работа в подпольи“—Сборн. „25 лет Бак. Орг. большевиков“, Б., 1924, стр. 119—120) Фирменные и полицейские материалы тоже отмечают наличие „посторонних ораторов“ на рабочих собраниях, подстрекающих их и т. д

Наряду с чисто экономическими требованиями были выставлены и политические (освобождение арестованных товарищей). В ходе забастовки предприниматели широко использовали „мобилизационные репрессии“ и, в конце концов, требование о возвращении „мобилизованных за забастовку“ стало основным требованием остальных забастовщиков. В этом отношении рабочим был дан ряд обещаний, причем администрация долго носилась с проектом организовать из возвращенных с фронта рабочих особые роты со специальными офицерами и использовать их на работах только в таком „военизированном виде“. Проект этот, хотя и не осуществился, но он очень характерен для иллюстрации процесса „госкапитализирования“ *) Бакинской нефтепромышленности. Возвращение мобилизованных с фронта произошло уже после февральской революции (телеграмма Нач. Штаба Кавказской Армии от 16-го марта) **).

Итак, мы рассмотрели ход забастовочного движения с точки зрения заработной платы с первых дней войны и до февраля. Общий итог напрашивается сам собой: заработная плата резко отставала от роста цен, забастовочное движение и „мирное давление“ рабочих только отчасти могло вносить соответствующие коррективы, и то всегда с опозданием. Причины такой недостаточности результатов забастовочного движения заключаются, с одной стороны, в разгроме всех пролетарских организаций после неудачной всеобщей забастовки 1914 г. и в связанности части рабочих своим положением военнообязанных; с другой стороны—в некотором патриотическом угаре, который подчас удерживал рабочих от выступлений и заставлял их „делить с предпринимателями“ тяготы войны; наконец, с третьей стороны, отмеченные уже нами высокие цены на строительные и др. материалы при фиксированных ценах на нефть, заметно повышали все же ее себестоимость (а для фирм подрядного бурения резко снижали и норму прибыли), и заставляли предпринимателей чрезвычайно чутко относиться ко всякому „накладному расходу“, каким являлось повышение заработной платы, и очень цепко держаться за нормы, установленные вне учета дороговизны жизненных припасов. Поскольку повышение оплаты, при росте последней, было неизбежным, основная тактика капиталистов сводилась к оттяжкам, к выигрышу времени (а вместе с тем и денег), к запаздыванию по сравнению с ростом цен на жизненные продукты.

Чисто экономический характер движущих пружин забастовочного движения придал ему и сугубо экономическую окраску; в донесениях о забастовках неизменно фигурируют фразы: „забастовка протекает мирно“, „насильственных действий со стороны рабочих не наблюдается“, „неблагоприятных сведений о таких то (главари) не имеется“. Последнее говорит о стихийном, и я сказал бы даже, автоматическом возникновении

---

*) Конечно, в „немецком“ значении этого слова, о котором (значении) говорит Ленин в речи „О Продналоге“.

**) Эти данные заставляют осторожно отнестись к заключительным строчкам цитированного нами отрывка из воспоминаний Г. Стуруа. В воспоминаниях, очевидно, ошибка.

забастовок, там, где подчас ни о каком партийном руководстве не могло быть и речи.

Известное своеобразие движению придавала довольно заметная роль в нем мусульман-персов (иностр. подданные), об'ясняющееся обесценением рубля.

Рассматривая динамику забастовочного движения мы видим, как уступки отдельных (обычно крупных) фирм являются толчками, волнообразно перебрасывающими конфликты по остальным фирмам. После каждого заметного изменения ставок в крупных, наиболее богатых фирмах, ближайшие месяцы обычно наполнены борьбой за распространение их и на остальные фирмы, пока эти нормы прибавок не окажутся уже устаревшими и следующие уступки не дадут толчка новой волне движения. Вместе с тем, одновременно с общим ростом организованного начала в народно-хозяйственной жизни*) борьба начинает происходить во все более и более крупных масштабах, намечается определенная согласованность действий как рабочих**), так и предпринимателей. Иными словами, к 1917 г. налицо имеются все предпосылки к тому, чтобы дальнейшая борьба велась в плоскости общебакинского коллективного договора;—единственным препятствием для такой борьбы было отсутствие минимального демократизма—наличие царизма. В феврале 1917 г. это препятствие исчезло.

ГЛАВА V.

Коллективный договор.

История борьбы за второй коллективный договор 1917 года чрезвычайно сложна. Если бы мы попытались проследить ее шаг за шагом, нам пришлось бы анализировать весь сложный переплет соотношений и борьбы социальных и политических сил в Баку между февралем и октябрем (а для Баку это было бы уже мартом 1918 г.) переплет, осложненный национальной пестротой и историческим своеобразием развития Бакинского рабочего движения. Такой анализ выходил бы за намеченные нами рамки работы и поэтому мы ограничимся исключительно рассмотрением текста выработанного коллективного договора с точки зрения суммирования и отражения в нем всех разрозненных требований годов войны и забастовки 1914 года. Истории борьбы за коллективный договор мы, по возможности, не будем касаться и ограничимся лишь несколькими минимально-необходимыми справками.

Борьба за коллективный договор началась почти непосредственно после февральской революции [31]). 7-го апреля в создавшейся согласительной комиссии уже резко вырисовываются разногласия между входящими в нее представителями рабочих и промышленников. 25-го ап-

---

*) Говорить о государственном („буржуазно-государственном“) капитализме в России 1916 г., конечно, трудно, но элементы этой системы определенно имелись.

**) Появляется, отмеченное уже нами, партийное руководство. См. также, помещаемое в приложении, обращение рабочей группы Воен. пром. комитета.

реля установление соглашения в обще-бакинском масштабе передается специальной комиссии по выработке коллективного договора (председатель Лурье, секретарь Джапаридзе). Комиссия эта в ходе работы выделяет 6 подкомиссий *) и заседания всех этих организаций заполняются бесконечными обсуждениями, подчас, самых мелочных вопросов, выдвигаемых промышленниками и срывающих как будто вот-вот достигаемое соглашение. При этом следует отметить, что по отношению к крупным фирмам попытки соглашения были более удачными, чем с мелкими и бурильными; однако, все промышленники довольно единодушно условием коллективного договора ставили правительственное повышение цен на нефть. Работы комиссии, входить в подробное хронологическое рассмотрение которых мы не предполагаем, не раз прерывались. В начале августа, в Баку для „склеивания" неудающегося соглашения приезжает хорошо здесь известный министр труда Скобелев, однако и это не приводит к желательному результату. 27-го сентября—3 октября Бакинский пролетариат, заждавшийся соглашения и не могущий более удовлетворяться временными, авансовыми, выдачами, производившимися „в счет коллективного договора" (в августе, напр., такая „подачка" была выдана в размере двухмесячного оклада по предложению Скобелева), прибегает к последней мере—забастовке, причем она проходит на редкость стройно, выдержанно, и в чисто экономических тонах. В результате 2-го октября подписывается предварительный договор. Однако, осуществление и окончательное принятие договора снова затягивается промышленниками. Исполком Совета Рабочих Депутатов, в ответ на это публикует „предварительный" договор, сопровождая это следующим постановлением:

> „Договор этот соответствует точному смыслу условий, выработанных согласительной комиссией и составлен на основании предварительного условия, подписанного предпринимателями и рабочими 2-го октября 1917 года. Но в виду того, что предприниматели, вопреки упомянутому предварительному договору 2-го октября 1917 г., отказались подписать в окончательной редакции—Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, на основании решения Совета постановляет: опубликовать настоящий договор и признать все пункты этого договора обязательными как для рабочих, так и для предпринимателей".

Именно этот текст мы и положили в основу нашего разбора. Вопрос о восьмичасовом рабочем дне разрешается колдоговором в самой категорической форме:

> „§ 4. Для всех рабочих, мастеров и служащих в предприятиях, входящих в коллективный договор, с 1-го мая 1917 года вводится 8-ми часовый рабочий день".

---

*) 1) Рабочего времени и зарплаты, 2) Жилищную, 3) Страховую, 4) Образования и развлечений, 5) Рабочих организаций, 6) Медицинской помощи.

Этот традиционный рабочий лозунг, как известно, был принципиально декретирован в первые же дни после Февраля, но практическое проведение его в Баку упиралось в резкое сопротивление промышленников. Последние тоже не отрицали с принципиальной точки зрения это ограничение рабочего дня, но выделяли целый ряд профессий, к которым не считали возможным применение его. Наиболее острым углом был вопрос о судовых командах; судовладельцы, наконец, уступили, но отказались одновременно увеличить судовые команды, так что сокращение рабочего дня полностью компенсировалось интенсификацией труда. Другой спорной профессией были рабочие местного транспорта (аробщики и т. д.). Многочисленные заседания согласительных комиссий наполнены этими спорами об отдельных профессиях или даже производственных функциях. Коллективный договор дает вопросу исчерпывающе-категорическое решение.

Столь же четко ставился вопрос еще в требованиях 1914 года: „8-ми часовый рабочий день для всех, без исключения рабочих“ *).

Однако, несомненно, что в 1914 году требование это носило скорее принципиально-демонстративный характер, нежели деловой. Во время войны можно отметить только единичные требования о переходе к трехвахтенной системе (например на „Молоте“ в конце лета 1916 года, да, пожалуй, забастовку у Тагиева с требованием сокращения рабочего дня на один час). Но уже в одном из первых заседаний согласительной комиссии, „на другой день после революции“ рабочая сторона стремится реализовать свой традиционный лозунг:

„1) 8-ми часовый рабочий день вводится, как принцип во всей бакинской промышленности.

2) сверхурочные работы обязательны во всех предприятиях, работающих на оборону или производящих предметы первой необходимости.

3) Обязательность и продолжительность сверхурочных работ определяется специальным смешанным органом из представителей промышленников, Совета Р. Д., Совета Военных Депутатов и Исп. Ком. Общественных Организаций“.

Промышленники смотрели на вопрос несколько иначе:

„Бакинские промышленники полагают, что разрешение этого вопроса во всем об‘еме надлежит отложить до рассмотрения в законодательном порядке. Но, не желая отказом в разрешении вопроса о 8-ми часовом рабочем дне вызвать между промышленниками и рабочими обострение, могущее отозваться на ходе работ, а, следовательно, и на обороне государства, промышленники полагают возможным разрешить его частично для Бакинского района и ввести 8-ми часовый рабочий день в следующих отраслях Бакинской торговли и промышленности, при непременном условии производить сверхурочные работы по требованию самих промышленников:

---

*) „Общие требования“ рабочих были приведены в очередном „Обзоре Бакинской промышленности“ за 1914 год и перепечатаны в работе А. Попова, на которую мы уже ссылались. По этим источникам они и цитируются.

1) в нефтяной промышленности, а именно в той ее части, где 8-ми часовый рабочий день не введен,

2) В фирмах подрядного бурения,

3) У фабрикантов и заводчиков,

4) В фирмах торгово-промышленного союза,

5) У шахтовладельцев.

Оплату сверхурочных работ установить на 50% выше оплаты урочных работ... Распространение 8-ми часового рабочего дня на судоходную промышленность считать неприемлемым" *).

Несомненно, что в приведенном § 4-м колдоговора, мы имеем прямое последствие огромного сдвига социальных взаимоотношений; в непосредственно предшествовавших Февралю выступлениях требование 8-ми часового рабочего дня существенной роли не играло **).

Следующим чрезвычайно важным вопросом в коллективном договоре был вопрос о заработной плате. Здесь надо отметить два достижения: 1) унификацию всех видов получений, сведение их к одному, а следовательно и отмена наградных, попудных и т. д. и 2) установление соответствия заработной платы с уровнем дороговизны. Первое положение устанавливается § 13.

„С введением коллективного договора уничтожаются все существующие денежные выдачи, а равно и выдачи натурою, считается,

*) „Былое", 1923 г., № 22, стр. 288.

**) Другими смежными вопросами занимаются §§ 5—10 и 27—28. „Устанавливается для всех категорий рабочих, мастеровых и служащих... один свободный день в неделю. Накануне свободного дня в неделю для вахтенных рабочих, рабочий день сокращается на один час, для односменных мастеровых и рабочих накануне праздничных и воскресных дней рабочий день также сокращается на один час. Примеч.: там, где работа производится урочно, соответственно сокращается урок... Для вахтенных устанавливается 47 часов в неделю, но они обязаны работать 48 часов в неделю, если предприниматель признает это нужным, при условии оплаты 48-го часа, как сверхурочного... Систематические сверхурочные работы отменяются. Примечан.: Максимальная продолжительность обычных сверхурочных работ должна быть не более 4 часов... Отрядные, шабашные и сдельные работы сохраняются до демобилизации армии. Примеч.: производство отрядных, шабашных и сдельных работ допускается только в пределах 8-ми час. раб. дня. Прим. 2-е. Норма урочных работ устанавливается особой согласительной комиссией на основании данных из практики до 1-го апреля 1917 года, но не ниже 90% производительности при 9-ти часовом рабочем дне, существовавшем до 1 марта... Празднование 1-го мая принимается, но там, где по техническим условиям работа должна производиться беспрерывно, работа в день 1-го мая обязательна и оплачивается, как работа в 4 годовых праздника... Сверхурочные работы рабочих и мастеровых оплачиваются по часовому расчету в размере 1,75 оклада урочного часа, исчисленного из поденной заработной платы... А оплата 4 в году наиболее чтимых праздников... устанавливается в тройном размере против нормальной поденной заработной платы. „Отметим, что необходимость урегулировать оплату годовых праздников всплывала почти при каждой забастовке, что и понятно в условиях крайней национальной пестроты.

Следующий § 14 гласит: „Рабочий обязан жить в помещении, предоставляемом фирмою, если оно соответствует необход. гигиенич. требованиям. Если же фирма не имеет возможности предоставить таковое в натуре, то выдаются кварт. деньги в одинаковом размере мастер. и рабочим: семейным 25 р. в мес., а холостым 12 р. 50 коп. ...".

что они все включены в заработную плату. Помимо заработной платы полагается: квартира, квартирное довольствие, банные, проездные и доставочные. Прим.: квартирное довольствие состоит из воды, керосина и мазута“ [32]).

Мы видим, что унификация все же очень не полна. Об‘яснить это возможно только, если мы вспомним специфические условия жизни на промыслах, в рабочих поселках, где квартира, доставка воды, баня и т. д. просто не существовали помимо фирмы, где эти традиционно-получаемые рабочими дополнения к заработной плате, почти всюду в натуральной форме в виде довольствия, не могли быть „ценностно“ включены в зарплату, так как в условиях промыслового и, отчасти, заводского быта они просто не являлись рыночно-измеримыми. § 13 имеет целью в немногих случаях, когда рабочий не получает, например, квартиры в натуре, обеспечить ему денежный эквивалент.

Требование об об‘единении всех видов выплат мы встречаем в 1914 году (примечание к п. II „Общих требований“ гласит: „наградные отменяются; перечисленные (выше В. П.) нормы включают в себе и наградные в обычном размере 20%“). По мере качественного роста забастовочного движения за годы войны, неизбежно должно было всплывать недовольство той бессистемной, часто подверженной произволу промышленника, системой оплаты, какая создавалась благодаря наградным, попудным, футовым и т. д. (различным в разных фирмах и в разные сроки выплачивающимся). И наиболее продуманные требования рабочих заключают в себе пункт включения их в расчетную книжку *).

Установление соответствия между величиной заработной платы и дороговизной явилось центральной осью всего движения за годы войны. Вся наша работа говорит об этом достаточно определенно. Размер зарплаты по коллективному договору устанавливался путем целой системы табличек, причем в основу клались ранее получавшиеся оклады, а коэффициенты выводились из уровня дороговизны. Нам нет надобности останавливаться на деталях этих пересчетов; для реально-экономического положения бакинского пролетариата они все равно не играли роли, так как фактически договор непосредственного применения почти не имел; с другой стороны, затяжки в его утверждении в обстановке падающей валюты сделали, может быть, недостаточными нормы пересчета; но важно, то, что принципиальное разрешение проблемы заработной платы при падающей покупательной силе рубля в нем содержится и что линия эта была взята рабочими представителями уже в самом начале функционирования согласительных комиссий **).

Таким образом, вопрос об урегулировании заработной платы получил в колдоговоре разрешение в полном соответствии с историческими

---

*) Напр., 16 сентября рабочими „Нефти“.

**) Так, разрыв переговоров 26 июля произошел вследствие непринятия промышленниками коэффицента вздорожания в 4,6, установленного комиссией.

условиями и традиционными требованиями, выставлявшимися по этому вопросу.

Довольно много места уделяет колдоговор отпускам, а также компенсациям при увольнении.

В § 12-м читаем:

„Каждому рабочему и мастеровому предоставляется месячный отпуск за год непрерывной службы без сохранения содержания. Мастеровые и рабочие, не воспользовавшиеся отпуском имеют право на двойной, по продолжительности, отпуск в следующем году. Допускается накопление в отношении права на отпуск с тем условием, что таковой не может быть дольше двух месяцев. На время отпуска за семейными сохраняется квартира и квартирное довольствие, а за холостыми—одна квартира...“.

§ 33 гласит:

„При увольнении, в виду инвалидности, происшедшей не от несчастного случая, или за сокращением штатов, а равно при увольнении единичном, за каждый прослуженный год непрерывной службы выдается месячный основной заработок из среднего заработка за последний год службы. При добровольном уходе выдается двухнедельный основной заработок из среднего заработка за последний год службы за каждый непрерывно прослуженный год службы. При полной ликвидации предприятия выдается недельный основной заработок за каждый год непрерывной службы, но в сумме не менее 2-х недельного заработка по коллективному договору *).

Заметим, что требование о выплате при увольнении компенсации является тоже традиционным требованием бакинских рабочих **). § 34 устанавливает выдачу пособия в размере месячного оклада, в случае смерти рабочего. Отпуска по болезни стоят на особом положении; посвященные им параграфы 31, 32 и 56 обеспечивают рабочему половинный оклад в течение первых 3-х месяцев болезни, по истечении какового срока рабочий может быть уволен. Единственным исключением признается затянувшийся период родов у работницы.

Новостью является включение в коллективный договор служащих (§ 45—52 и 57—58). Прежние требования обычно говорили только о рабочих и мастеровых. Некоторая обособленность служащих (даже и мелких) сказывалась, например, во время забастовок. Нобелевская, хорошо разработанная, статистика дает полную возможность установить сравнительно низкий процент участия служащих в забастовках. Революция, всколыхнувшая чрезвычайно сильно все слои трудящихся, привела к вклю-

*) И кроме того: „§ 55. Об отказе от службы стороны (служащие, мастеровые рабочие и предприниматели) предупреждают друг друга за две недели.

**) Так, в 1914 г. требовали: „при увольнении или добровольном оставлении места выдается всем рабочим за каждый год службы в данной фирме месячное содержание“. Во время войны аналогичные требования тоже выставлялись не раз (см. гл. 3-ю).

чению в колдоговор и служащих; однако, в период попыток применения колдоговора, наблюдались в довольно большом количестве заявления фирмам о невключении их в колдоговор со стороны, как технического, квалифицированного персонала, подкреплением к чему служили постановления организаций инженеров, так и групп служащих (главным образом старослужащих). Составители коллективного договора учли возможность такой тенденции и оговорили ее в § 36:

> „Установленные нормы сим договором обязательны для обеих сторон и всякие частные соглашения между предпринимателями и рабочими, ухудшающие, по сравнению с настоящими условиями, положение рабочих и служащих как в правовом, так и в экономическом положении не допускаются. Частные соглашения подобного рода, заключаемые как отдельными рабочими или служащими, так и группами их с предпринимателями считаются уничтоженными. Факт заключения таких частных соглашений служит достаточным мотивом для требования со стороны профессиональных организаций об увольнении лиц, заключивших подобные соглашения".

§ 52 распространяет на служащих большинство общих условий, не оговариваемых особо.

§ 38 и 44 устанавливают обязанность фирм способствовать обучению детей рабочих (доставка их в школу)*) и общие культурные начинания; корни этих пунктов уходят к требованиям 1914 года, петиции 1915 года (см. в „приложении") и отдельным, правда, редким требованиям в годы войны. Вообще, колдоговор несколько удивляет слабой разработанностью вопросов культурного строительства, к которому бакинский пролетариат в своей борьбе уделял очень много внимания (достаточно вспомнить хотя бы народные дома, отвоеванные борьбой 1904—1905 годов, то место, какое отводит культурным вопросам упомянутая уже петиция и т. д.). Здесь мы, опять таки, видим определенную инерцию чисто экономического направления борьбы 1915—16 годов; характерно, что единичные требования „военных" забастовок поднимаются в области культурного строительства даже выше, чем колдоговор. Таково, например, декабрьское 1916 года требование рабочих Каспийско-Черноморского О-ва о курсах для рабочих на русском и тюркском языках.

Несколько небольших, но продуманных и деловых §§ устанавливают гарантии в применении этого договора и условия его действительности. Срок вхождения договора в силу принимается с 1 апреля 1917 года (§ 41). Договор распространяется и на всех вновь нанимающихся рабочих (§ 37)

---

*) Вопрос с обучением детей всегда был достаточно больным на промыслах. (см. Петицию в „Приложениях"). В исторических „13 пунктах" рабочие провозглашали обязательное начальное образование для детей рабочих, мастеровых и служащих, подсобных предприятиях, школах С'езда Нефтепромышленников. В своем ответе промышленники полагали, что „вопрос об обучении детей рабочих предприятий О-ва Зафатема и Союза Предприятий по бурению скважин, (которые и являлись спорными В. П.) подлежит разрешению учреждений, ведающих делом народного образования".

Переход предприятия в другие руки не освобождает владельцев от обязательств, налагаемых договором (§ 35). Наконец,

„в предприятиях, вошедших в коллективный договор, организуются на основаниях, указанных в законе, промыслово-заводские и конторские комитеты. Означенные комитеты наблюдают за проведением в жизнь коллективного договора и соблюдением условий означенного договора. П р и м е ч а н и е 1-е. Разрешение вопроса о начале рабочего дня, перерыве и начале работ, предоставляется предпринимателю, который, предварительно совещается с к-том. В случае разногласия, пром.-зав. к-т может перенести разрешение вопроса в Примирительную Камеру, причем до решения камеры сохраняется порядок, устанавливаемый предпринимателем. П р и м е ч а н и е 2-е. Время отпусков, число лиц, отпускаемых ежемесячно и порядок пользования отпусками, для отдельных лиц устанавливается заблаговременно администрацией, по соглашению с промзаводскими или конторскими, по принадлежности, Комитетами. Причем, отпуска должны распределяться приблизительно, равномерно. П р и м е ч а н и е 3-е. Комитеты имеют наблюдение также за библиотеками, читальнями, театрами, школами, столовыми и т. д., совместно с персоналом, занятым в означенных учреждениях“. (§ 1) *).

В вопросе о порядке приема на службу и увольнения согласно § 2 надлежит руководствоваться обязательным постановлением ОЗАКОМА (Особого Закавказского Комитета) [33]. Параграф 3-й предусматривает организацию Примирительных Камер. Согласно § 59, вопрос о пригодности и соответствии гигиеническим условиям к в а р т и р решается особой паритетной квартирной комиссией.

Приведенными пунктами почти исчерпывается содержание колдоговора [34]; остальные §§ мало интересны и ничего своеобразного не представляют.

Если мы заканчиваем нашу работу рассмотрением текста коллективного договора, который являлся, по существу, развернутой платформой минимума рабочих экономических требований, то это не обозначает нисколько, что этим договором борьба получила некоторое завершение. Мы уже упоминали, что договор, фактически, не применялся. Непосредственно за его подписанием, события разворачивались с ошеломляющей быстротой, споры о порядке применения его текста и ряде его деталей, вызвали в жизнь новые бесконечные согласительные комиссии, в бурных заседаниях которых основной текст совершенно затерялся и борьба, таким образом, не приостановилась ни на неделю. Самый способ введения договора в силу, вряд ли мог дать в этом отношении успокоение.

*) „В 1914 году требование о „признании“ рабочего органа—Совета Уполномоченных—и ряда третейских и промысловых судов тоже рассматривалось, как гарантия для закрепления достигнутых забастовкой влияний в коллективном договоре“ (раздел 6-й „Общих Требований“).

Между тем, политические сдвиги от буржуазной революции к пролетарской, продолжались во все возрастающем темпе; классовые противоречия в довольно аморфном и даже право—„болотном“ бакинском Совете Р. Д. развертывались, и это не могло не отразиться на дальнейшей судьбе колдоговора. Он являлся уже непосредственно об'ектом и средством политической борьбы. Но этот период уже является областью истории подготовки и борьбы за Бакинскую Коммуну 1918 года—истории, выходящей за рамки настоящей работы.

---

1) Эти и следующие таблицы взяты из № 1 „Известий Бакинской Городской Думы.

2) Приводимые здесь цифры взяты из материалов Совета С'езда (опубликован. в № 14 „Нефт. Дела" за 1917 г.). Недостатком этой статистики является некоторая неопределенность в разграничении категорий „рабочие" и „чернорабочие". Несомнено, например, что „рабочие" русские и „рабочие" персы (см. табл. на стр. 8) не вполне сравнимы в смысле квалификации. С такой оговоркой и следует принимать приводимые ниже цифры.

3) Мы не имеем возможности останавливаться на жилищном и „банном" вопросе на промыслах, т. к. эти два больных вопроса, будучи постоянным злом не влияли на динамику рабочего вопроса за интересующие нас годы. Напомним только, что до 1917 года Баку не имел водопровода и вода подвозилась, гл. обр., из Куры в наливных судах. Отсюда уже ясно, какое огромное значение имел вопрос воды на промыслах и как велика была там грязь при высокой цене на воду и недостаточных „порциях", выдававшихся фирмами да и то не всеми. Жил. вопрос не раз освещался в печати. Назовем, напр., работы д-ра Ростовцева.

4) См. монографическую работу А. Попова „Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны" и специальную статью в томе I „Обзора Бак. Нефт. Пром." за 1914 г. изд. Сов. С'езда. 1915 г. стр. 100—131.

5) По данным Совета С'езда. Жандармские сведения не полны—27287. См. Попов, стр. 38.

6) Изданный Советом С'езда обзор следующими дипломатическими словами оговаривает свою „научную об'ективность": статистический материал не позволяет установить причины, в силу которых нынче в противоположность забастовкам прошлых лет, почти совсем не было переговоров между хозяевами и бастовавшими рабочими. С внешней стороны забастовки 1914 года имеют только начало (дружное) и конец (неудачный), а история статистическим материалом не охвачена" (стр. 115 и 116).

7) А. Попов, стр. 56.

8) Из литературы по данному вопросу отметим: Выштравский—„Нефтяное хозяйство в России за посл. 10 лет"; Л. Эвентов—„Иностранный капитал нефтяной промышленности"; Годзишевский—„Русская нефть на мировом рынке"; интересная статья Клупта в сборнике „Тяжелая индустрия" под ред. проф. Дена; Богдановский и Рума—„Правда о нефт. вопросе" (работа несколько суб'ективная), ряд статей в „Пром. России" за 1915 год, журнал „Нефтяное Дело", материалы и обзоры Совета С'езда.

9) Сравнительные ститистические данные о Бакинской Нефтяной промышленности за период 1911—1920 г. г., изд. Азнефтекома 1921 г. Баку.

10) Из доклада В. Фролова.

11) Сравнительные статистические данные, стр. 78.

12) В. Фролов в своем докладе, повидимому ошибочно дает цифру 9800 саж.

10) Своим подсчетам В. Фролов предпосылает следующие, не безинтересные цифровые данные.

Размеры ренты видны из того, что 68% всей добычи относятся к арендованным участкам (25% арендовано у казны за попудную плату, не превышавшую 5,65 коп.; 23% арендовано у казны за долевые отчисления, колебавшиеся от 20 до 53% добытой нефти, смотря по качеству участка, но обычно составлявшие 40%; 20% арендовано у частно-владельцев, где рента составляла, обычно, одну

треть добычи). Данные эти относятся к 1907 г., но, по мнению Фролова с тех пор произошли только незначительные изменения. В действительности произошло некоторое перераспределение в направлении увеличения удельного веса долевых отчислений, ибо новые участки (Сураханы и т. д.) обычно сдавалися на условии долевого отчисления, а не попудной платы. Большого значения это перераспределение все же иметь не могло.

По данным правительственной комиссии Иванова за 1908 – 1910 г. г. на Биби-Эйбате имелись участки себестоимости в 36—63 коп. за пуд. Однако, сам В. Фролов не придает этим, вероятно, единичным примерам большого значения и сосредоточивает свое внимание на участках с себестоимостью в 8—24 коп. (в ср. 15 коп.). „При ренте в 33% и 40% и при цене не выше 45 коп. себестоимость не может быть больше 30 коп. в первом и 27 коп. во втором (100 × 100 — 33) Х. 45 или 100 Х = (100 — 40) Х. 45. Между тем, сокращение добычи на обследованных комиссией Иванова участках (с 66,2 м. п. в 1910 г. до 39,7 м. п. в 1915 г.) удорожает среднюю себестоимость пуда нефти до 25 коп.“. Это рассуждение очень механическое и, конечно, неверное. Оно не учитывает того, что истощающиеся участки совсем забрасываются и попросту арифметически делит валовой расход 1910 г. на уменьшенное колич. пудов добычи, не учитываются вовсе и изменения в технике производ. и т. д.

11) Затруднения промышленности в этой области усугублялись полной неподготовленностью царского правительственного аппарата к роли регуляторов народно-хозяйственной жизни.

„У нас слишком много комиссий, слишком много хозяев, но нет единого хозяина из власть имущих, который заботился бы о нефтяных промыслах. Если допустить, что такая организация, как заводское совещание должна близко принимать к сердцу интересы нефтяной промышленности, не в смысле карманного интереса одного-другого промышленника, а в смысле интересов государственного значения, то нельзя не удивляться, что заводское совещание организовано в Тифлисе, где нет никакой промышленности... что во главе стоит, в качестве Председателя этого заводского совещания полковник Абхази, предводитель дворянства, человек высокой честности, но абсолютно незнакомый с промышленностью. Почему нужно было поставить во главе такой организации полковника, предводителя дворянства—мне неизвестно. Едва ли он сумеет отличить вышку от буровой скважины. Ведь он не имеет об этом никакого понятия. Это совершенно чуждые для него вещи. Мы обращались к нему за помощью, но помощи не получили, т. к. он сам не знает, как ему поступить. Казалось бы вполне естественным иметь такое заводское совещание в Баку, иметь во главе его человека, знакомого с промышленностью, лицо, которое обладало бы долголетним опытом“... (Там-же). Как характерен этот язык буржуазии (накануне февраля). Мы не имеем места останавливаться на массе просто смехотворных случаев, приводимых в докладе.

12) Интересно, как курьез, что перед лицом растущей разрухи и невероятных затруднений нефтепромышленности, буржуазная экономическая мысль прекрасно осознавала техническую выгодность социализации. В докладе В. И. Фролова от января 1918 г. читаем:

„ ... Достаточно было взять карту нефтяных участков и посмотреть, как на этих участках расположены скважины, чтобы видеть, насколько социалистическое хозяйство было бы выгодным для страны. Скважины расположены по границам участков с целью наибольшего подсасывания соседних участков. Совершенно очевидно, что на эксплоатируемой площади количество скважин втрое-вчетверо меньше при рациональном распределении их на территории, дало бы нефти гораздо больше, чем получалось при частном хозяйстве... с затопляемостью было бы легче, не было бы пропускания пластов и т. д., не говоря уже о явлениях так или иначе связанных с пресловутой коммерческой тайной“.

Тем не менее социализацию проводить нельзя:

„Условий (для социализации) нет. Не говоря уже о том, что Бакинский район не может представлять собой какой то, счастливый социалистический остров, окруженный безбрежным морем, отчасти капиталистического, а гл. обр., почти первобытного хозяйства России (остроты о „Социализме в одном уезде“, как видим не новы В. П.). Самый состав рабочих, конечно, далек от социалистического строя.. Попытка водворить сейчас, была бы также преступна и неразумна, как если бы кто нибудь стал пытаться извлечь младенца из утробы матери, имея в своем распоряжении (хотя бы основательные) предположения о факте беременности... „Если даже общество и напало на след естественного закона своего развития, то оно не может перескочить известных форм своего развития, ни устранить их посредством дефектов (декретов?), но кто может (?) сократить или уменьшить муки родов“. Так говорил К. Маркс“.

— Так заканчивает попавший в безвыходное положение В. И. Фролов. Полемизировать с ним было бы сейчас немного несвоевременным делом—вот уже 8-й год, каждая советская буровая говорит красноречивее каких угодно слов „против Маркса“.

13) Это „почти“, надо отнести за счет насилий со стороны полиции: Свидетельством этих насилий являются 11 убитых и 59 пострадавших. (Учтены только пострадавшие, доставленные только в Михайловскую больницу). Чинов полиции пострадало 11 (все легко), из солдат, вызванных на место беспорядков не пострадал никто. (Архив Вр. Ген.-Губ., Дело № 124). Как видим, „бунт“, вовсе не был таким уж чисто „бабьим“.

14) „Вы видите, г. г., что Московские события почти точь в точь повторились у нас в Баку. Может быть, Московские события имели другую почву, но у нас в Баку, эти события возникли на почве дороговизны, но надо признаться, что сравнительно с другими городами в Баку не особенно сильная дороговизна. Очевидцы, которые приехали сюда, говорят, что во главе толпы шли полицейские чины и указывали какие магазины будут подвергаться разгрому... Имея все это в виду, имея в виду сообщения и письма о том, что первое время полиция бездействовала и даже поощряла громил, можно заключить, что в Баку беспорядки на почве дороговизны были вызваны искусственно и что к этим событиям не беспричастны чины полиции. Все это заставляет нас обратиться с вопросом к Наместнику Е. В. и Министру Вн. Дел по этому поводу“. (Из речи Джафарова, на зас. Гос. Думы 25 февраля, по заявлению 30 членов).

„Здесь приводились сведения о бездействии власти; есть слухи о том, что начало этих событий было не без связи с некиим учреждением в Баку, на вывеске которого находится всем известное название „Союз Русского Народа“. (Из речи Скобелева, там-же). См. Стенографический отчет Гос. Думы за 1916 г., стр 2155-56.

15) В черновике донесения (незаконченного) со штампом сыскной полиции (дело № 27) читаем, после описания нескольких случаев грабежа со стороны городовых: „говорят, что в самом резерве у городовых есть ограбленные вещи“. Повидимому, все же власти предпочли поскорее перестать „говорить“ об этом, ибо ограничились лишь несколькими мелкими обысками и репрессиями. Гораздо более энергичные меры применялись по розысканию награбленного в квартирах „вольной публики“, о чем свидетельствуют богатые архивные материалы, протоколы и дознания. Однако, и здесь возвращение продуктов владельцам происходило куда более вяло, чем розыск их. Масса товаров задерживалась в качестве „вещественных доказательств“. Мы имеем сведения об из'ятии этих необходимых для „правосудия“ доказательств продовольственным комитетом больше чем через год уже при власти Временного Правительства в июне 1917 г., причем многое оказалось „истраченным“ на довольствие чинов внешней охраны.—Переписка Бюро летучего отряда и Комиссариата при Бакинском Продовольственном Комитете. Дело № 26 Архива Бакинского Градоначальства.

16) Кроме Бакинской, газеты за 14-е, 15 и 16 февраля вышли огромными купюрами. В архиве Врем. Ген. Губ. сохранилась телеграмма: „Баку беспорядки при-

мите меры чтобы не появлялось до особых распоряжений газетах и не пропускались телеграммы о беспорядках. Ген. Лейт. кн. Орлов" (помощник наместника по гражд. части).

17) Курьезным последствием погрома явились анонимные письма, полученные многими владельцами магазинов, предметов первой необходимости, угрожающих народным гневом, в случае продолжения спекулятивного вздувания цен. Письмо это лишний раз подтверждает, как крайне бедственное положение населения, так и отсутствие руководящей, сознательной политической силы в беспорядках 14—16 февраля.

18) Архив бр. Нобель, дело № 15.

19) Не следует смешивать с рассматриваемым „военным пособием" те пособия, которые получали от фирм семьи мобилизованных и запасных рабочих. Эти пособия выдавались в 1914 г. с августа (в размере полумесячного оклада).

20) Здесь не место останавливаться на вопросе—в какой мере такой процесс мог происходить между самодержавным правительством и промышленной буржуазией, потому что это привело бы нас к необходимости анализировать классовую природу самодержавия. Несомненно, что после февральской революции упомянутые процессы пошли быстрее, сопровождаясь, с другой стороны, разложением буржуазной государственной власти. Для целей настоящей работы достаточно констатировать элементы „госкапитализирования" и до февральской революции. Вместе с тем необходимо отметить, что именно Баку, с его специфическими условиями крупной концентрированности и организованности, с чрезвычайно высокой ролью Совета С'езда во всей местной жизни и административных делах в том числе (вспомним хотя бы тот факт, что большинство полиции содержалось за счет фирм и т. д.), представлял благоприятную почву для такого процесса.

21) В отношении рабочих промышленники шли навстречу, старались избегать забастовок, предупреждали их требования, старались по мере вздорожания жизни пойти навстречу заработной платы. Повышение это достигло 70%. Но нельзя сказать, чтобы это вполне соответствовало той дороговизне, которая сейчас существует и продолжает расти... Если дороговизна будет...

22) Исключение составляет забастовка в механических мастерских Нобеля 27—28 октября 1916 г., когда рабочие затянули забастовку на один день в знак протеста против отказа фирмы оплатить пропущенное время.

23) Донося об этой забастовке нач. бак. жанд. упр. „присовокупляет", что „по сообщениям Балахано-Сабунчинского полицмейстера, фирма Д. Митрофанова является неаккуратным плательщиком содержания своим рабочим, в чем была замечена неоднократно и раньше". Дело канц. Б. Град. № 1775.

24) Следует вскользь отметить также ряд схожих забастовок в средних и мелких типографиях, вызванных нежеланием хозяев оплатить праздник 29-го августа („Усекновение главы Иоанна"). Непосредственной связи с войной эти забастовки тоже не имеют.

25) Арх. Нобеля. Дело № 15. Фирма бр. Нобель тщательно следила за забастовками у своих конкурентов и в ее архиве, наряду с неплохо разработанными материалами о забастовках „у себя", можно найти и ценные данные вообще по Баку.

26) „Об изложенном Совет С'ездов честь имеет сообщить к В/сведению, на случай, если В/фирме угодно будет присоединиться к изложенному в сем постановления".

27) 23-го марта ген.-лейт. кн. Орлов (пом. наместника) телеграфно торопит градоначальника Ковалева созывом совещания для воздействия. („Не считаете ли нужным собрать нефтепромышленников под Вашим председательством для воздействия и понуждений признать вышесказанные меры обязательными теперь же и не дать развиться массовым забастовкам").

28) Мы не отмечаем забастовки 57 рабочих известной нам уже фирмы „Мотовилихи"—Митрофанова, ибо главная причина ее—неполучение жалования за февраль,

март и, отчасти за январь, ни в какой связи с условиями военного времени не стоит. Неаккуратные платежи этой фирмы нами уже отмечались.

29) Мы не останавливаемся на забастовке 28-го июня—3-го июля у Петроградско-Кавказского О-ва, где требования сводились к увольнению грубого управляющего (в данной связи она не интересна).

30) Совершенно особняком стоит забастовка 19-го августа у Бенкендорфа у 319 рабочих – единственно зарегистрированная чисто политическая забастовка в Баку за 1915—1916 годы (основное требование—освобождение группы эсеров). Считать это требование можно даже единственным, ибо при вторичном опросе забастовщиков фабричных инспекторов, они заявили, что другие требования (рукавицы и проч. мелкие требования) были ими выдвинуты исключительно с целью замаскировать политический характер забастовки и что на них рабочие не настаивают. См. Дело Канц. Бак. Град. № 1777 и переписку Бак. Губ. Жанд. Упр. № 29.

31) Единственное, имеющее отношение к нашей работе, систематическое, хотя и довольно краткое описание хода событий в Баку после февральской революции—очерк А. Попова в „Былом" (№ 22 за 1923 год), дает, на наш взгляд, неправильную оценку темпу и характеру рабочего движения накануне и „на другой день" после буржуазной революции. По его мнению, слабое развитие общественности в Баку (с чем нельзя не согласиться) задержало рабочее движение и консолидацию пролетариата, в момент революции совершенно распыленного. „Три—четыре незначительных профессиональных союза (как портных, печатников), насчитывающих в общей сложности не более 1000 членов, влачили жалкое почти полу-легальное существование. Функционировала только рабочая группа при местном Военно-Промышленном Комитете... Рабочее движение, почти совсем неорганизованное к моменту революции... начинает двигаться". В действительности, как мы постарались показать, скрытая консолидация пролетарских сил происходила весьма интенсивно и скорее надо констатировать другой факт: огромную инерцию консолидации, идущей по линии только экономической борьбы,—инерцию, поставившую в центр внимания пролетариата борьбу за колдоговор и замедлившую развитие политической борьбы (характерно, напр., что фракционное размежевание с.-д. происходит только в конце июня). Сугубый „экономизм" движения (подготовленный годами войны) выразился, между прочим, и в том, что наряду с персонально-популярными большевиками (Шаумян, Фиолетов, Джапаридзе) политическая бесформенность в рабочих организациях позволяет играть видную роль и правым с.-д, как Фролов, Айолло, (которого А. Попов почему то упорно называет Аполло), Рамишвили и т. д. в сочетании руководящей роли большевиков и экономического, по преимуществу, характера и традиций движения и заключалось особое своеобразие положения в Баку и главные специфические трудности, стоявшие перед бакинской организацией большевиков.

32) Нормы воды, керосина и мазута были установлены в следующем размере.

	Холостым	Семейным	
Вода	45 вед.	90 вед.	До проведения ответвлений Шолларского водопровода, законченного зимой 1917 года.
Мазут летом (8 м.)	10 „	30 „	
„ зимой (4 м.)	20 „	60 „	
Керосин	1 пуд	2 пуд.	

Ученикам—те же нормы в половинном размере, (5,15). Как курьез, характеризующий, впрочем, экономический по преимуществу, характер рабочего движения в Баку в 1917 году, заметим, что в „роковой" день 25 октября согласительная комиссия посвящает почти целое заседание спору о том, по оптовым или розничным ценам считать керосиновое довольствие в тех немногочисленных фирмах, которые выдавали его не в натуре...

33) Согласно этому постановлению при найме преимущество сохраняется за кандидатами профсоюзов; увольнение может быть обжаловано в профсоюзе и в случае недостижения соглашения передается в примирительную камеру. В течение

двухнедельного срока для прохождения обоих этих инстанций „увольняемые могут быть администрацией устранены от работ, но с сохранением за ними службы и содержания“. При увольнении администрацией предприятий, рабочих, мастеровых и служащих,—увольняемые предупреждаются об этом за две недели.

34) Расположение материала в колдоговоре таково: § 1—3 общ. полож. и компетенция рабоч. орг.; 4—12 рабоч. день, праздники и отпуска; 13—28 оплата; 31—34 болезнь, увольнения и компенсации; 45—52 и 57—58—служащие, 59 квартирные комиссии и § 60 о пособиях семьям мобилизованных (доведенных до полного оклада). Остальные вопросы разбросаны отдельными §§ довольно бессистемно.

Список использованных материалов и книг.

Для настоящей работы были использованы в первую очередь неопубликованные архивные материалы:

Фонды архива Бакинского Градоначальника.

Фонды архива Временного Военного Генерал-Губернатора.

Фонды архива Канцелярии Наместника на Кавказе *).

Фонды архива фирмы бр. Нобель **).

Различные разрозненные архивные фонды.

Журналы:

„Нефтяное дело".

„Известия Бакинской Городской Управы" Центральная экономическая пресса Статистические материалы положения Бакинской нефтяной промышленности („Обзоры" Совета С'ездов нефтепромышленников и „Труды" С'ездов. Издания Азнефтекома)

Отдельные монографические работы:

А. Попов. „Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны".

Л. Эвентов. „Иностранный капитал в Русской нефтепромышленности".

Вышетравский. „Нефтяное хозяйство в России за последние 10 лет".

Годзишевский. „Русская нефть на мировом рынке".

Далее использованы были некоторые общие материалы по истории Бакинской большевистской организации. (Сборники „25 лет Бакинской организации Р. К. П.") и хроника в журнале „Былое" (№ 22 за 1923 г.).

---

*) Находятся частично в Аз. Гос. архиве, частично в музее Революции.

**) Находятся частично в архиве Азнефти, частично в музее Революции.